W 50/119
M. 1842

W 50/119

О ДОСТОВѢРНОСТИ ЯРЛЫКОВЪ, ДАННЫХЪ ХАНАМИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ РУССКОМУ ДУХОВЕНСТВУ.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. Григорьева.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

A 182/176 N 15/23

По опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета печатать дозволяется. Апрѣля 2 дня 1842 года.

Секретарь Совѣта, Михаилъ Назимовъ.

2007040110

ВВЕДЕНІЕ.

Къ числу памятниковъ нашей исторіи, не разобранныхъ еще и не объясненныхъ критически, но заклейменныхъ уже подложностію по однѣмъ подозрѣніямъ, принадлежатъ и льготныя или жалованныя грамоты, данныя разнымъ митрополитамъ Русскимъ четырьмя Золото-Ордынскими ханами и одною ханшею, и дошедшія до насъ подъ именемъ „ярлыковъ.“

Только семь такихъ ярлыковъ знаемъ мы, именно: 1) Отъ хана Менгу-Темира Русскимъ митрополитамъ безъименно и всѣмъ церковнымъ людямъ вообще; 2) отъ хана Узбека митрополиту Петру; 3) отъ ханши Тайдулы митрополиту Ѳеогносту; 4) отъ нея же митрополиту Алексѣю; 5) емуже отъ хана Бирдибека; 6) отъ Тайдулы же митрополиту Іонѣ или Ивану; 7) отъ хана Аппляка митрополиту Михаилу.

Всѣ семь изданы впервые Новиковымъ въ его, „Древней Россійской Вивліоѳикѣ,“ Москва. 1787. Т. IV. Съ тѣхъ поръ, кромѣ этихъ семи, другихъ такихъ ярлыковъ не было ни найдено ни напечатано. Откуда и какъ добылъ ихъ Новиковъ — неизвѣстно. Изъ введенія и послѣсловія, сопровождающихъ эти

акты въ его изданіи, должно заключать, что онъ извлекъ ихъ изъ ихъ какой-нибудь лѣтописи доселѣ не напечатанной. Во второй разъ ярлыки явились на свѣтъ въ такъ называемой „Суздальской Лѣтописи“, изданной Н. Львовымъ въ С. Петербургѣ въ 1792 году; но здѣсь помѣщено ихъ только шесть. Четыре: Апполяковъ, Тайдулины Ивану и Ѳеогносту и Менгу-Темировъ — подъ 1342, и два: Тайдулинъ Алексѣю и ему же Бирдибековъ — подъ 1357 годомъ (Т. III. Стр. 101 и 123). Третьяго изданія удостоились ярлыки въ „Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“, во второмъ томѣ котораго (Москва. 1819. N 2, 7, 9, 10, 11, 12) напечатано ихъ также шесть: Менгу-Темировъ, Узбековъ, Тайдулины Ѳеогносту и Алексѣю, Бирдибековъ и Аполяковъ. Печатали ихъ со списковъ сихъ актовъ, хранящихся въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

До Карамзина, сколько мнѣ извѣстно, ярлыки эти не обратили на себя ни чьего вниманія; никто не пользовался ими какъ источниками для Монгольскаго періода нашей исторіи, никто не подвергалъ ихъ изслѣдованію, но за то никто и не подозрилъ ихъ достовѣрности. Карамзинъ, также не употребившій ярлыковъ въ дѣло, первый предположилъ относительно ихъ возможность подлога. Напечатавъ въ 245 примѣчаніи къ IV тому своей „Исторіи“ ярлыкъ Узбека митрополиту Петру, какъ самъ говоритъ, изъ Ростовской архивной лѣтописи, онъ присовокупилъ къ нему слѣдующее замѣчаніе: „Нѣ-

сколько сихъ ярлыковъ, истинныхъ или подложныхъ, напечатано въ Россійской Виѳліоѳикѣ, т. VI. Во многихъ рукописныхъ означенъ надъ каждымъ ярлыкомъ годъ и большею частію несправедливо“ (Ист Гос. Росс. Изд. перв. Т. IV. Стр. 411).

„Истинныхъ или подложныхъ“ говоритъ Карамзинъ; стало быть онъ не былъ увѣренъ въ достовѣрности ярлыковъ, Что же дало незабвенному исторіографу поводъ усомниться въ ней и предположить подлогъ? Содержаніе ярлыковъ или форма? предположеніе что они не могли быть писаны въ Ордѣ на Рускомъ языкѣ, или что подлинники ярлыковъ, Монгольскіе, Татарскіе или даже Русскіе, не дошли до нашего времени, и что мы имѣемъ ярлыки только въ позднѣйшихъ спискахъ? Анахронизмы, наконецъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, или какія-либо другія обстоятельства? Отвѣта на эти вопросы не находимъ у Карамзина, и, судя по всему, должно полагать, что выраженное имъ сомнѣніе не было плодомъ очень основательнаго изслѣдованія. Какъ бы то ни было, впрочемъ, только тѣнь, наброшенная Карамзинымъ на достовѣрность этихъ актовъ, удалила отъ пользованія ими послѣдовавшихъ за нимъ историковъ и изслѣдователей нашихъ. Такъ Гагемейстеръ, который въ изслѣдованіяхъ своихъ „О финансахъ древней Россіи“ (Спб. 1833), могъ бы почерпнуть изъ ярлыковъ много новаго для объясненія предмета своего въ теченіе Монгольскаго періода, не воспользовался ими какъ бы слѣдовало, на томъ

основаніи, что „подлинность ярлыковъ еще оспаривается“ (стр. 151). Даже тѣ, которые и не выражали явно своей недовѣрчивости, все таки не пользовались ярлыками, какъ бы исповѣдуя ее tacite; труда же прояснить дѣло никто на себя не бралъ, такъ что вопросъ о ярлыкахъ остается доселѣ въ такомъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его Карамзинъ. Къ сказанному имъ прибавилъ нѣсколько предположеній только Полевой. Онъ думаетъ, что ярлыки дошли до насъ въ переводѣ, то есть первоначально не были писаны на Русскомъ; что переводъ не современенъ подлинникамъ, а переведены всѣ они позже и въ одно время, вѣроятно по случаю какаго-нибудь притѣсненія духовенству (можетъ быть на соборѣ бывшемъ въ 1500 году при Іоаннѣ III, или на соборѣ 1580 года); что основаніе ихъ истинно, но что въ новѣйшія времена они передѣланы или, по крайней мѣрѣ, измѣнены переводчиками и списывателями (Ист. Русскаго народа т. IV. стр. 176-177).

Иностранцы писавшіе объ исторіи Россіи и Золотой Орды, Штраль и Гаммеръ, тоже не съумѣли извлечь изъ этихъ драгоцѣнныхъ актовъ болѣе нашего. Первый, разбирая источники церковной Руской исторіи въ своихъ Beyträge zur russischen Kirchengeschichte (Halle. 1827), опредѣлилъ ярлыкамъ видное мѣсто между ними (I, 18-20); но въ свой Geschichte der Russischen Kirche (Halle. 1830), вмѣсто того, чтобы на дѣлѣ показать важность этого источника, ограничился помѣщеніемъ въ пе-

реводъ Узбекова ярлыка митрополиту Петру. Второй и въ глаза не видалъ ярлыковъ, кромѣ одного, сейчасъ поименованнаго, да и тѣмъ не воспользовался (Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth. 1840. s. 589).

Вотъ какъ пользовались до сихъ поръ ярлыками, и что высказали объ нихъ—весьма немного и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Между тѣмъ акты эти заслуживали бы, по мнѣнію нашему, несравненно большаго вниманія. Мы думаемъ, и со временемъ постараемся доказать на дѣлѣ, что ярлыки суть одни изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей древности, замѣчательные не менѣе чѣмъ договоры Олега и Игоря съ Восточно-Римскими императорами, чѣмъ договоры великихъ князей Тверскихъ и Московскихъ съ Новымъгородомъ, духовныя завѣщанія сихъ послѣднихъ, или какіе-либо другіе акты изъ древняго періода нашей исторіи. Они содержатъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ историческихъ фактовъ и указаній, которые, при умѣньи пользоваться ими, и при знаніи быта, обычаевъ и установленій Монгольскихъ, могутъ объяснить многое въ исторіи двухсотлѣтняго рабства нашего подъ желѣзнымъ, хотя и хрупкимъ скипетромъ сихъ завоевателей; но такъ какъ степень довѣренности къ этимъ фактамъ и указаніямъ зависитъ отъ степени довѣренности къ подлинности актовъ, въ которыхъ они заключаются, то, прежде чѣмъ приступать къ пользованію сими ак-

шами, состоящими подъ подозрѣніемъ въ подложности, должно подвергнуть ихъ изслѣдованію и доказать ихъ достовѣрность. Эту цѣль и предположили мы себѣ въ настоящемъ разсужденіи. (1).

(1) *Для ясности дѣла* мнѣ казалось не лишнимъ, чтобы читатели, *для* повѣрки изслѣдованій моихъ, могли имѣть передъ глазами и самые ярлыки. Я помѣстилъ ихъ въ концѣ книги перепечатавъ изъ „Виѳліоѳики“ съ сохраненіемъ введенія и заключенія, которыя имъ тамъ сопутствуютъ. Къ Новиковскому изданію, принятому за текстъ, присоединены варіанты изъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Ростовской лѣтописи (по Карамзину), да нѣкоторыя важнѣйшія изъ Суздальской. Я не могъ сохранить пунктуаціи ни котораго изъ трехъ изданій, по причинамъ объясненнымъ ниже въ главѣ шестой, и ввелъ свою.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О ярлыкахъ вообще.

Начнемъ изслѣдованія наши разсмотрѣніемъ происхожденія и значенія слова „ярлыкъ“ — техническаго названія льготныхъ грамотъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

„Ярлыками“ названы эти грамоты въ нихъ самихъ. Въ Менгу-Темировомъ находимъ: „Тако молвя *ярлыкъ* далъ“. Въ Узбековомъ: „А кто нашъ *ярлыкъ* и наше слово преслушаетъ“; далѣе: „А мы, по помужъ пути, шѣмижъ *ярлыки* жалуемъ“; далѣе: „Вся его люди .... какъ *ярлыкъ* имѣетъ“, и „шакъ *ярлыкъ* данъ“. Въ Тайдулиномъ Ѳеогносту: „Такъ молвя, Ѳеогноста Митрополита Царь пожаловалъ, со алою шамгою *ярлыкъ* далъ“. Въ Бирдибековомъ: „Такъ рекше и *ярлыкъ* со алою шамгою дали есмя“. Въ Апюляковомъ: „Такъ рекше утвердихомъ, со алою шамгою *ярлыкъ* дали есмя“.

„Ярлыками“ же называются онѣ и въ припискѣ, сопутствующей имъ въ Новиковскомъ изданіи: „Сущь же и иніи велицы *ярлыцы* преданы быша цер-

кви Божіей"; И далѣе: „Елико же обрѣтохомъ во свящѣйшей Митрополіи старыхъ Царей *ярлыки*, сихъ и написахомъ. Мнози же суть.... иные велицы *ярлыцы*, но иныхъ не возмогохомъ превести".

Въ самихъ же ярлыкахъ говорится, что акты одинаковаго съ ними содержанія и названія даваемы были Русскому духовенству въ разное время и отъ разныхъ хановъ. Такъ въ Менгу-Темировомъ читаемъ: „Чингій Царь, потомъ кто ни будетъ, дали есмя жалованныя грамоты Русскимъ Митрополитомъ и церковнымъ людемъ.... и какъ первые Цари ихъ пожаловали, и мы, Богу молясь, и ихъ грамотъ не изыначивая, потомужъ жалуемъ." Въ Узбековомъ: „Да вси покаряются и повинуются Митрополиту.... по первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ". Въ Бирдибековомъ: „Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали церковныхъ людей.... *ярлыки* подавали. И то увѣдавши, всѣ иже по нихъ иные Цари *ярлыки* свои давали. И мы нынѣ, первыхъ *ярлыковъ* не изыначивая, и думавъ, потомужъ есмя Алексѣя Митрополита пожаловали". Въ Анюляковомъ: „Отъ первыхъ Царей, при Чингисъ Царь, и по немъ иные Цари Азизъ и Бердебекъ, и тіи жаловали церковныхъ людей.... да и по нихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ, *ярлыки* давали. И нынѣ мы, по первымъ *ярлыкомъ* изыскавши, и удумавши, не изыначиваемъ первыхъ *ярлыковъ*, потомужъ сего Митрополита Михаила пожаловали есмя".

И такъ изъ семи ярлыковъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, равно какъ и изъ всѣхъ вышеприведенныхъ изъ нихъ же мѣстъ, должно заключать, что „ярлыками" назывались на Руси и въ самой Ордѣ льготныя или жалованныя грамоты, которыя Ордынскіе ханы давали Русскому духовенству. Чтожъ, справедливо это? Дѣйствительно существовали въ Ордѣ и Россіи акты, которые носили такое названіе и даны были ханами нашему духовенству?— Дѣйствительно, и акты этого названія даваемы были не только духовенству нашему, но и князьямъ (а можетъ быть еще и лицамъ другихъ сословій). Это доказывается словами разныхъ лѣтописей и современныхъ государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Иногда, преимущественно въ началѣ Монгольскаго владычества, когда Русскіе были еще мало знакомы съ языкомъ и обычаями своихъ повелителей, ярлыки ханскіе упоминаются просто подъ именемъ „грамотъ Царскихъ". Такъ въ „Волынской лѣтописи" говорится, что, когда около 1255 г. Татаре пришли къ Кременцу, сидѣвшій тамъ Андрей, королевичь Венгерскій, сказалъ имъ: „Батыева *грамота* у мене есть" (Ист. Рос. Росс. изд. первое Т. IV. прим. 102. стр. 319). Въ договорной грамотѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ Новымъгородомъ, писанной около 1270 года, сказано: „А гости нашему гостити по Суждальской землѣ безъ рубежа, по *Царевѣ грамотѣ*" (Собр.

гос. грамотъ. Т. I. № 3. стр. 4 (2). На оборотѣ этой же грамоты приписано, что для того, чтобы посадить Ярослава на престолъ Новгородскій, пріѣзжали „отъ Менгу Темеря Царя послы Чевгу и Байши съ *грамотою*."

Позднѣе объ ярлыкахъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ ихъ собственнымъ названіемъ. Въ „Троицкой" подъ 1303 годомъ, при описаніи съѣзда князей въ Переяславлѣ, говорится, что „шумли грамоты, Царевы *ярлыки*" (Ист. Гос. Росс. Т. IV. прим. 191). Въ „Никоновской" подъ 1351 годомъ находимъ: „Тогожъ лѣта Князь Василію Михаиловичу Тверскому пріиде изъ Орды отъ Царя посолъ Ахматъ, и привезе ему *ярлыкъ* на его имя" (Ник. Лѣт. Т. III. стр. 198). Въ ней же, подъ 1362 годомъ, — что къ В. К. Дмитрію Іоанновичу Донскому прибылъ во Владиміръ „посолъ изъ Мамаевы Орды отъ Царя Авдула съ *ярлыки* на великое княженіе Володимерское" (Ibid. Т. IV. стр. 4), и вслѣдъ за тѣмъ: „Тогожъ лѣта Амуратъ Царь, братъ Хидыря, услышавъ, что отъ Царя Авдула посолъ ходилъ съ *ярлыки*.... отпусти Князя Ивана на Русь, а съ нимъ посла своего Илякa

---

2) Объ этой „Царевой грамотѣ" упоминается и во всѣхъ послѣдующихъ договорахъ Новагорода съ великими князьями Тверскими и Московскими: съ Михаиломъ Ярославичемъ писанными между 1305 и 1308 годами; съ Александромъ Михаиловичемъ, писанномъ въ 1327 году; и съ Іоанномъ Васильевичемъ и сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ, писанномъ въ 1471 году (Собр. гос. грамотъ. Т. I).

съ 30 Татарины съ *ярлыки* ко князю Дмитрію Константиновичу.“ Тамъ же, подъ 1364 годомъ: „Тогожъ лѣта прiиде изъ Орды отъ Царя Озиза Князь.... а съ нимъ Царевъ посолъ, имя ему Урусъ Малды, и выиссе *ярлыки* на княженiе великое князю Дмитрію Константиновичу Суздальскому“ (Ibid. Т. IV. стр. 9). Тамъ же, подъ 1370 годомъ, — что посолъ Ханскiй „посылалъ къ великому князю Дмитрію Ивановичу, зовя его въ Володимеръ къ *ярлыку*, и онъ отвѣщалъ къ *ярлыку* по ѣду...“ (Ibid. Т. IV. стр. 28). Тамъ же, еще нѣсколько разъ подъ 1381, 1400 и 1432 годами (Ibid. Т. IV. стр. 137, 296 и Т. V. стр. 111). Въ Суздальской. подъ 1375 годомъ: „Того же лѣта.... Нѣкомасъ прiиде посломъ изъ Орды съ Ацыхожею.... съ *ерлыки* ко князь Михайлу на великое княженiе“ (Лѣтописецъ Русской. Спб. 1792. часть II. стр. 151). Въ договорныхъ грамотахъ Юрья Дмитрiевича Галицкаго съ В. К. Василiемъ Васильевичемъ, писанныхъ въ 1433 году, Юрiй Дмитрiевичь говоритъ: „А что есмь взялъ Царевъ *ярлыкъ* на Дмитровъ, и тотъ ми *ярлыкъ* тобѣ дати“ (Собр. Гос. грамотъ. Т. I. № 49 и 50, стр. 100 и 102). Въ договорной грамотѣ князя Можайскаго Ивана Андреевича съ В. К. Василiемъ Васильевичемъ, писанной въ 1447 году, помянутый князь Можайскiй обязуется возвратить взятые имъ изъ казны великокняжеской „грамоты докончалные и *ярлыки* и дефтери и иные которые грамоты надобные“ (Ibid. № 66. стр. 148). О такихъ же ярлыкахъ, грамо-

шахъ и дефтеряхъ, хранившихся въ казнѣ великокняжеской, упоминается еще и въ договорной записи Дмитрія Юрьевича Шемяки и Можайскаго князя Ивана Андреевича съ младшимъ братомъ послѣдняго, княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, и съ княземъ Боровскимъ Василіемъ Ярославичемъ, писанной въ 1448 году (Ibid. № 67. стр. 150); а въ договорныхъ грамотахъ князя Суздальскаго Ивана Васильевича съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ, писанныхъ около 1451 года, Князь Суздальскій говоритъ: „А што будетъ у мене *ярлыковъ* старыхъ на Суждаль и на Новгородъ на Нижней и на Городець и на все на Новугородское Княженье, и мнѣ, Господине, Князю Ивану, тѣ *ярлыки* всѣ отдати тебѣ Великому Князю и твоимъ дѣтемъ безъхитростно. А новыхъ ми *ярлыковъ* не имати; а хотя, Господине, который Царь *ярлыки* свои мнѣ каковы дастъ на Новгородъ и на Суждаль, или ко мнѣ пришлетъ, и мнѣ и тѣ *ярлыки* всѣ отдати тобѣ Великому Князю и твоимъ дѣтемъ по крестному целованью, а у собе мнѣ ихъ не держати". (Ibid. № 80 и 81, стр. 186 и 188).

А вотъ мѣста изъ лѣтописей, которыми подтверждается полученіе ярлыковъ отъ Хановъ и духовенствомъ нашимъ: Въ Ростовской подъ 1313 годомъ, когда повѣствуется о хожденіи въ Орду митрополита Петра съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ, сказано между прочимъ: „Милостію Божіею Петръ Митрополитъ въ Ордѣ у Царя былъ въ чести великѣй и отпущенъ бысть вскорѣ съ уп-

равою и съ *ярлыки* и съ Дефтери“ (Ист. Гос. Росс. Т. IV. пр. 245). Подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской: „И вси прихождаху во Орду, того ради понеже тогда во Ордѣ и *ярлыки* имаху, коижде на свое имя, и князи и Епископы“ (П. Л. т. III. стр. 108). И въ той же лѣтописи, подъ 1341 годомъ: „Того же лѣта прінде изъ Орды отъ Царя Чанибека Митрополитъ Ѳеогностъ, ходилъ о причтѣ церковномъ, имаше бо и Митрополитъ и Епископъ *ерлыки* на своя причты церковныя отъ Царей Ординскихъ“ (Ibid. Т. III. Стр. 179).

Въ томъ, что слово ярлыкъ, какъ названіе извѣстнаго намъ рода жалованнымъ грамотамъ, перешло въ Россію изъ Орды, и употреблялось тамъ въ такомъ же смыслѣ, нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія. Слово это принадлежитъ первоначально языку Монголовъ, которыми произносится *дзарликъ*, и значитъ: „слово старшаго къ младшему“, а потомъ вообще „повелѣніе“, „приказаніе“ (Монгольская Хрестоматія О. Ковалевскаго. Казань. 1836. стр. 248 (3). Отъ существительнаго — *дзарликъ* произошелъ на томъ же языкѣ глаголъ *дзарликлаху* „приказывать“, „повелѣвать“. Вставную слогъ *дза* въ словѣ *дзарликъ* и другихъ произносимъ былъ Монголами, а можетъ быть нѣкоторою частію народа произносится и нынѣ, какъ *я*;

3) Въ Монгольскомъ словарѣ Я. Шмидта (Спб. 1834. стр. 298) *дзарликъ* переведено такъ: „слово знатныхъ особъ“, „приказаніе“.

Тюркскіе народы (4), заимствовавъ это слово у Монголовъ съ его древнимъ произношеніемъ (5), стали произносить это *я* иногда какъ *е*, при чемъ окончаніе *икъ* измѣнили въ *ыкъ* или *ыгъ* (6). Такимъ образомъ явилась у нихъ та форма этаго слова, въ которой перешло оно и въ нашъ языкъ. Изъ существительнаго ярлыкъ, ярлыгъ, ерлыкъ, ерлыгъ, Джагатайскіе Турки также сдѣлали глаголъ — يارليماق *ярлыкакъ*, имѣющій одинакое значеніе съ Монгольскимъ *дзарликлаху* (7). Кромѣ Тюрк-

---

(4) Тюркскими народами, по примѣру новѣйшихъ оріенталистовъ, называемъ мы всѣ народы, говорящіе діалектами одного и того же первоначальнаго языка Тюркскаго تركى, совмѣщая одинаково подъ этимъ названіемъ какъ Татаръ Сибирскихъ, Уральскихъ, Волжскихъ, Крымскихъ и за-Кавказскихъ, такъ и Османлы, Тюркменовъ, Узбековъ, Туркистанцевъ, Киргизъ-казаковъ и другіе одноплеменные и одноязычные съ этими народы и поколѣнія.

(5) Можетъ быть, впрочемъ, что въ Тюркскихъ языкахъ слово *ярлыкъ* столь же древне какъ и въ Монгольскомъ и принадлежитъ обоимъ одинаково. Взаимныя отношенія этихъ двухъ вѣтвей одного ствола еще вовсе не изслѣдованы, потому часто случается, что незнаешь какому языку въ собственность отнести то или другое слово, встрѣчаемое равно въ обоихъ; въ которомъ признать его коренцымъ, въ которомъ заимствованнымъ. Таковы слова: *ага, аймакъ, арсланъ, багадыръ, тенгри, улусъ, черикъ, ханъ, яргу* и множество другихъ.

(6) Слово это пишется и произносится въ Тюркскихъ языкахъ разнымъ образомъ. Встрѣчаемъ его въ формахъ: يارليق и يارلق يرليق يرلق يارليغ يرليغ يرلغ

7) То есть „приказывать“, но употребляющійся и въ значеніи „говорить“, когда рѣчь идетъ о важныхъ особахъ,

скихъ и Русскаго, слово ярлыкъ во время блестящаго періода владычества Монголовъ перешло и въ языки иныхъ подвластныхъ имъ народовъ, въ Персидскій, Арабскій, Сирійскій, Армянскій, а можетъ быть еще и въ нѣкоторые другіе (Collection orientale. Histoire des Mongols de la Perse. Vol. 1. p. 179 -180 (8). Въ нашемъ языкѣ слово это потеряло въ послѣдствіи времени настоящее значеніе, и вмѣсто его приняло совершенно иное, стало означать то, что по Французски называется étiquette; но во всѣхъ вышесчисленныхъ оно постоянно сохраняло то значеніе, съ которымъ перешло въ нихъ первоначально. Значеніе это впрочемъ было уже не коренное, въ какомъ находимъ мы его доселѣ въ Монгольскомъ, т. е. „словеснаго приказа“, а второстепенное, именно „письменный приказъ“, „указъ“. Слово ярлыкъ приняло его въ Тюркскихъ языкахъ во время Чинкгиса и первыхъ его преемниковъ (9).

точно такъже какъ и *дзарликлаху* Монголовъ, بيورمك *буюрмекъ* Турокъ и فرمودن *Фермуденъ* Персіянъ; которые глаголы значатъ въ одно время и „приказывать“ и „говорить“.

(8) Напримѣръ Манджуйскій, Гиндустани, Грузинскій. Аравитяне изъ единственнаго ярлыкъ образовали въ духѣ языка своего множественное يرالیق *яралыкъ* по формѣ فعاليل, и эта форма множественнаго вошла въ употребленіе и у Персіянъ.

(9) Если не имѣло его уже прежде того въ языкѣ Уйгуровъ, Тюркскаго народа, славившагося по средней Азіи знаніемъ письменнаго искусства еще за долго до Чинкгиса, и имѣвшаго свою азбуку, передѣланную изъ Сирійскаго Естран-

Тогда всякая бумага, получавшая существованіе въ Монгольскихъ канцеляріяхъ, и исходившая отъ высочайшей власти, — былъ ли это указъ, приказъ, дипломъ, паспортъ, прокламація, грамота дарственная или охранная, письмо или инаго рода писанье, — получала одинаково названіе ярлыка „повелѣнія", „приказанія". Другаго названія государственнымъ бумагамъ разнаго рода не было; ярлыкъ вмѣщалъ въ себѣ всѣ виды ихъ, также какъ нѣкогда у насъ „грамота". Если станемъ отыскивать причину этому, мы найдемъ ее отчасти въ бѣдности кочевыхъ языковъ, не имѣющихъ словъ для выраженія канцелярско-юридическихъ понятій, развивающихся у народовъ осѣдлыхъ болѣе образованныхъ, и потому необходимо принужденныхъ довольствоваться для выраженія видовыхъ понятій употребленіемъ одного родоваго; но еще болѣе найдемъ ее въ томъ высокомъ мнѣніи, какое имѣли о своей власти Монгольскіе хаганы или императоры, мнѣніи заимствованномъ ими у Китайцевъ, которые искони служили кочевымъ сосѣдямъ своимъ образцомъ во всемъ, что касалось до государственнаго или придворнаго устройства и удобствъ жи-

---

гело, которую азбуку заимствовали у нихъ и Монголы. См. Абель-Ремюза: Recherches sur les langues tartares. Paris. 1820; Клапрота Abhandlung ueber die Sprache und Schrift der Uiguren, въ Verzeichniss der chinesischen und mandschuischen Bücher und Handschriften der Königl. Bibliothek zu Berlin. Paris. 1822. folio.

зии (10). Подобно Китайскимъ императорамъ великіе ханы Монгольскіе именовали себя „сынами Неба“, и на землѣ ни кого не признавали себѣ равнымъ. Весь шаръ земной считали они своимъ законнымъ владѣніемъ, всѣхъ государей и всѣ народы — рабами своими, всякое сопротивленіе своей власти —

---

(10) Китайскіе историки пишутъ, что еще за два вѣка до Р. Х. при Хуннскомъ владѣтелѣ Модо-Шанюѣ, Монголы заимствовали у Китайцевъ ихъ гіероглифическое письмо и переняли многія обыкновенія. (Записки о Монголіи О. Іакинѳа. Спб. 1828 Т. 1. стр. 201 и 212). Во время владычества домовъ Киданьскаго и Нючжискаго въ X, XI и XII вѣкѣ, Монгольская образованность совершенно облеклась въ стѣснительныя формы Китайской церемоніальности, какъ повтореніе того же видимъ нынѣ на Манджуяхъ. По разрушеніи Нюджискаго царства оружіемъ Чинкгиса, и расширеніи владѣній и могущества сего послѣдняго насчетъ Китая, много Китайскаго перешло также и къ сѣвернымъ Монголамъ, и заимствованія сіи становились тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ болѣе проникались Китаизмомъ преемники Чинкгиса, властвовавшіе въ Великой Ордѣ. Многія званія, должности, обряды и принадлежности ихъ, которыя встрѣчаемъ у Монголовъ, ведутъ происхожденіе изъ „Срединной Имперіи.“ Даже наружная форма и стиль въ произведеніяхъ Монгольскихъ канцелярій рабски скопированы были съ Китайскихъ. Такъ отъ Рашидъ-уд-Дина узнаемъ, что уже при Угедаѣ былъ особенный чиновникъ, обязанный записывать ежедневно замѣчательныя слова его, и что такой же былъ и при братѣ его Джагатаѣ (Доссона Histoire des Mongols. La Haye. 1834. Vol. II. p. 189 и 499). Это древній Китайскій обычай, который находимъ впрочемъ и въ царствѣ Ахеменидовъ. Мангу, по примѣру Китайцевъ, покойнаго отца своего Тули произвелъ въ императоры и далъ ему почетное прозваніе въ храмѣ предкамъ (Гань-Му, въ Исторіи перв. четырехъ хановъ изъ дома Чинкгисова. Пер. съ Ки-

бунтомъ, заслуживающимъ жестокаго наказанія (11). Отсюда ясно почему каждое слово ихъ къ другому, изустно или письменно сообщаемое, было необхо-

---

тайск. О. Іакинѳа. Спб. 1829. стр. 309); а Хубилай былъ уже совершеннымъ Китайцемъ по понятіямъ, по привычкамъ, по образу жизни. — Золотыя и серебряныя бляхи, бывшія въ употребленіи у Монголовъ, и извѣстныя подъ именемъ *Паизе* پايزه самимъ названіемъ обнаруживаютъ Китайское происхожденіе свое. Это Китайское *Пай* съ прибавленіемъ частицы *Тсеу* (Сенъ-Мартена Mémoires sur L'Armenie. Paris. 1819. vol. II. p. 281). *Тугъ* توغ, родъ знамени изъ древка съ привязаннымъ къ нему буйволовымъ или лошадинымъ хвостомъ, издревле принятаго Монголами, есть тоже Китайское *Тау или Ту* (Абель-Ремюза: Recherches sur les langues tartares. vol. I. p. 303). По словамъ Марко-Паоло, важнѣйшіе придворные сановники жгли въ новый годъ ладонъ на жертвенникѣ, поставленномъ посреди двора передъ картиною, на которой написано было имя императора Хубилая (книга II, глава XII) Не имѣетъ ли эта Китайская церемонія чего нибудь общаго съ поклоненіемъ *басмѣ*, о которомъ говорятъ наши лѣтописи?

(11) „Сынъ Неба", *Тянь-дзы*, Китайскій титулъ императора, католическіе миссіонеры XIII вѣка, ѣздившіе въ Азію, переводили всегда filius Dei „сынъ Бога" потому, что какъ на Китайскомъ слово *Тянь*, такъ и на Монгольскомъ слово *Тенгри*, означаетъ вмѣстѣ и „небо" и „божество". Такъ Плано-Карпини говоритъ: Ipse (Imperator) quoque gloriatur se esse filium Dei, seque sic ab hominibus apellari. Онъ же въ другомъ мѣстѣ: Tantae vero impietatis et arrogantiae sunt (Tartari) ut Dominum suum Cham filium Dei appellent et ipsum loco Dei super terram venerantes adorent.... nam et ipse Cham se filium Dei appellat, et in litteris suis sub hoc nomine mandat omnibus. По его же словамъ, на печати императора Куюка написано было: „Богъ въ небесахъ, а Куюкъ-ханъ на земли. Силою Божіею печать повели-

димо „словомъ старшаго къ младшему“, „повелѣніемъ“ „приказаніемъ“.

Потомки Чингисса, основавшіе себѣ независимыя владѣнія въ Азіи и Восточной Европѣ, и преемники ихъ, наслѣдовавшіе эти владѣнія, не могли, разумѣется, имѣть тѣхъ же понятій о своей власти, какъ великіе хаганы; тѣмъ не менѣе слово ярлыкъ оставалось въ ихъ кочевыхъ и осѣдлыхъ канцеляріяхъ общимъ наименованіемъ всякаго рода и

теля всѣхъ людей“ (Собр. Путешествій къ Татарамъ. Изд. Языковымъ. Спб. 1825. стр. 44 и 104). Num scit ille (papa) quod Cham sit Dei filius? говорилъ воевода Байджу-Ноянъ монаху Асцелину, когда тотъ разсказывалъ ему, что Папа выше всѣхъ людей (Ibid. стр. 222). Такимъ же образомъ выражается Армянскій лѣтописецъ Ваграмъ о воцареніи Мангу, говоря, что онъ провозглашенъ былъ „сыномъ Бога въ небесахъ“. (Vahram's Chronicle of the Armenian Kingdom in Cilicia during the time of the crusades, translated from Armenian by Ch. Neumann. Lond. 1831. p. 49). Ярлыкъ, присланный отъ Чингисъ-хана Байджу-Ною, и сохранившійся для насъ въ варварскомъ Латинскомъ переводѣ, Татаре, по словамъ Асцелина, называли litterae Dei. Это Китайское выраженіе: „Небесныя писанія“, которымъ дѣйствительно означаются въ Китаѣ повелѣнія императора. Эта грамота или ярлыкъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ образчиковъ какого мнѣнія былъ о себѣ Чингисъ, или какое хотѣлъ внушить онъ о себѣ другимъ. Вотъ его же прокламація къ жителямъ Нишабура: „Начальники, люди имепитые и народъ! Знайте, что Богъ далъ мнѣ власть надъ міромъ отъ Востока до Запада. Кто покорится, будетъ пощаженъ; но горе тѣмъ, кто станетъ противиться: они будутъ избиты съ женами, дѣтьми и домочадцами“ (Рашидъ-уд-Динъ въ Hist. des Mongols Доссона. vol. I. p. 249) Преемники Чингисса были рѣшительно убѣждены, что Небо опредѣлило имъ быть властителе-

содержанія бумагамъ изъ нихъ выходившимъ, независимо отъ того, что для разныхъ видовъ ихъ заимствованы были со временемъ, особенно въ царствѣ Гулагидовъ, другія названія изъ Арабскаго и Персидскаго языковъ, какъ напримѣръ پروانه *первane* и برات *берать* (12). Крымскіе Гирен, какъ положительно извѣстно, сохранили ярлыку эту обширность значенія до послѣднихъ временъ сво-

---

лями цѣлаго міра. Это говорили они и писали всѣмъ и каждому. Отъ того и происходило, что въ началѣ своихъ завоеваній, Монголы, отправляясь войною на какой-либо народъ, требовали отъ него покорности себѣ какъ должнаго, и на сопротивленіе оружію своему смотрѣли какъ на дерзостное сопротивленіе волѣ Неба, вызывавшее со стороны ихъ, какъ орудій этой воли, истребленіе виновныхъ. Когда же владѣтель, которато Монголы призывали къ тягостной покорности, рѣшался покориться и сдѣлаться ихъ вассаломъ, онъ долженъ былъ непремѣнно ѣхать къ императору для засвидѣтельствованія ему своего подданства. Такъ, послѣ того какъ В. К. Ярославъ Всеволодовичь торжественно призналъ надъ собою власть Монголовъ въ Ордѣ Батыя, Батый послалъ его на поклоненіе къ „Каановичемъ", какъ говорятъ наши лѣтописи, то есть, къ великому каану или хагану.

(12) Но и у Гулагидовъ жалованныя грамоты, дипломы и паспорты всегда сохраняли названіе ярлыка. Извѣстительное письмо къ султану Египетскому Келауну о восшествіи своемъ на престолъ, султанъ Ахмедъ называетъ ярлыкомъ (ordre, ordonnance). Письмо это, въ французскомъ переводѣ, можно видѣть у Доссона въ его Hist. des. Mongols. vol. III. p. 563. См. еще тамъ же, vol. IV. p. 410—411, и Абель-Ремюза: Mémoires sur les relations politiques des princes Chrétiens avec des empereurs mongols. Paris. 1824 p. 96). Манифестъ свой о томъ же къ народу преемникъ Ахмеда Аргунъ-ханъ величаетъ тѣмъ же именемъ. (Абель Ремюза. l. c. p. 97.)

его существованія. Вотъ доказательства: Договоръ свой съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ, писанный въ 1474 году, Менгли-Гирей называетъ ярлыкомъ „Какъ писано въ семъ *ярлыцѣ*“ (Ист. Гос. Росс. Т. VI. пр. 124. стр. 378), а великій князь въ наставленіяхъ послу Старкову называетъ тотъ же договоръ „шертнымъ ярлыкомъ“. Письма разнаго содержанія, отъ Менгли-Гирея къ королямъ Польскимъ Александру и Сигизмунду I, и къ воеводѣ Молдавскому Богдану, равно какъ и жалованная грамота отъ Менгли-Гирея Сигизмунду I, писанныя въ 913 г. гиджры (1506 по Р. Х.), называются ярлыками (иногда „листами“) какъ въ нихъ самихъ, такъ и иногда, когда о нихъ упоминается въ другихъ актахъ (Сборникъ Князя Оболенскаго. Москва. 1839. No I). Ярлыкомъ величаетъ помянутый Сигизмундъ даже письмо, полученное имъ отъ хана Казанскаго Магметъ-Амина. (Ibid. стр. 43). Льготная грамота, данная въ 1550 году ханомъ Сахибъ-Гиреемъ некоторому Шагану Чагаріару, зоветъ себя ярлыкомъ (Журналъ Министерства Народн. Просв. 1839 годъ. Книжка третья). Наконецъ я самъ имѣлъ въ рукахъ болѣе десяти подлинныхъ Татарскихъ грамотъ различнаго содержанія и разныхъ Крымскихъ хановъ, съ начала XVI по конецъ прошедшаго столѣтія, которыя всѣ одинаково носятъ имя ярлыковъ (13).

(13) Ярлыки эти, въ fac-simile, подлинникѣ или переводѣ, изданы будутъ въ запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

То же, что у Гиреевъ въ Крыму, было, должно полагать, и у Джучидовъ въ Золотой Ордѣ, менѣе подверженной Персо-Арабскому вліянію чѣмъ ханство Гулагидовъ въ Персіи или Джагатаидовъ въ Маверауннагрѣ. Положеніе это подтверждается всѣми извѣстными доселѣ, изданными въ подлинникѣ или переводѣ актами Золото-Ордынскихъ канцелярій. Договоры, заключенные Венеціанами съ Джанибекомъ въ 1347, и съ Бирдибекомъ въ 1358 году, названы въ нихъ самихъ „commandamento“ т. е. ярлыками (см. ихъ въ Гаммеровой Geschichte d. Gold. Horde. s. 517—522). Тарханная грамота Куплукъ-Тимура, данная имъ въ 1397 году нѣкоему Мохаммедъ-Бею съ сыновьями, объявляетъ себя ярлыкомъ: التون نشانلق آل تمغالیق یارلیق بیرلدی *Алтунъ нишанлыкъ аль тамгалыкъ ярлыкъ бирильди* „данъ сей ярлыкъ за золотымъ вензелемъ, за алою тамгою“ (Mines de l'Orient. Vol. VI. p. 359). Льготная грамота Тохтамыша, данная имъ въ 1382 году Бику Хаджи съ племенемъ, называетъ себя ярлыкомъ. (Журналъ Министерства Нар. Просв. 1840 годъ, книжка осьмая). Письмо свое къ Ягайлѣ, писанное въ 1392 году, Тохтамышъ величаетъ тѣмъ же названіемъ (14). Такъ же называетъ и Едигей пись-

(14) О существованіи этого важнаго документа и содержаніи его публика знаетъ доселѣ только изъ Гаммеровой Geschichte d. gold. Horde, и только то, что онъ написалъ объ немъ (стр. 355). Fac-simile этого письма Уйгурскими буквами, съ Татарскою транскрипціею,

мо свое къ В. К. Василію Дмитріевичу, писанное въ 1409 году (Собр. Гос. Грамотъ. Т. I. No 15. стр. 16). Ярлыками же, наконецъ, именуются жалованныя грамоты Тохтамыша и другихъ Золото-Ордынскихъ хановъ королямъ Польскимъ и великимъ князьямъ Литовскимъ, какъ въ письмахъ Менгли-Гирея къ Сигизмунду I, такъ и въ отвѣтахъ ему сего послѣдняго, имѣвшихъ мѣсто въ 1506 году (Сборникъ Князя Оболенскаго, No I. стр. 45, 84 и 89).

И мало того, что „ярлыкъ“ было общимъ наименованіемъ всякаго рода бумагамъ, исходившимъ отъ хановъ Татарскихъ; на Руси и въ Литвѣ привыкли къ нему до того, что стали звать ярлыками даже письма и грамоты Русскихъ и Литовскихъ владѣтелей къ ханамъ. Такъ въ Никоновской лѣтописи, подъ 1379 годомъ, читаемъ: „Олегъ Рязанскій посла посла своего къ Царю Мамаю и *ярлыки* свои написа къ нему сице:“ (Ник. лѣт. Т. IV. стр. 90). Такъ ярлыкомъ же названо письмо короля Сигизмунда I къ хану Менгли-Гирею въ „Посольской книгѣ Великаго Княжества Литовскаго:“ (Сборникъ Князя Оболенскаго. No I. стр. 82).

Послѣ всего сказаннаго не остается, надѣюсь, ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ Золотой Ордѣ су-

---

современнымъ Бѣлорусскимъ переводомъ, и переводомъ и объясненіями нѣсколькихъ нашихъ оріенталистовъ, явится вскорѣ на свѣтъ въ драгоцѣнномъ „Сборникѣ“ Князя М. А. Оболенскаго.

ществовали акты, носившіе названіе „ярлыковъ“, и что ханы ея давали таковые князьямъ нашимъ и духовенству. Теперь спрашивается: семь ярлыковъ на Русскомъ языкѣ, дошедшіе до нашего времени, и находимые въ разныхъ лѣтописяхъ и сборникахъ(15), истинны или подложны?

Разсмотримъ сначала содержаніе и форму этихъ ярлыковъ, поищемъ: не представляетъ ли то или другое какихъ нибудь обстоятельствъ, которыя подтвердили бы ихъ достовѣрность, или обнаружили въ нихъ подлогъ; а тамъ разслѣдуемъ, съ тою же цѣлію, лица дававшія и получавшія ихъ, мѣсто, время и поводъ ихъ дачи, языкъ этихъ актовъ и, наконецъ, какъ могли сохраниться они до нашего времени, и въ какомъ видѣ сохранились.

(15) Въ Суздальской, въ Ростовской, въ неизвѣстной, отъ куда извлекъ ихъ Новиковъ, и должно быть еще въ разныхъ другихъ. Карамзинъ говоритъ: „во многихъ рукописныхъ ярлыкахъ означенъ годъ“: стало быть онъ имѣлъ въ рукахъ какіе нибудь списки ихъ. При изданіи Софійскаго Временника, П. Строевъ пользовался однимъ сборникомъ изъ библіотеки Воскресенскаго монастыря, въ которомъ сборникѣ между прочимъ помѣщены и „ярлыки (числомъ 5) иже суть давали Цари Ординскіе Митрополитамъ Кіевскимъ всея Русіи на церковные домы и на люди“ (Софійскій Временникъ. Москва. 1820. Т. I. стр. XXVII).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Содержаніе ярлыковъ.

Ярлыки, за исключеніемъ Тайдулинаго Алексѣю, который есть не что иное какъ подорожная на случай отправленія его въ Константинополь, всѣ одинаковаго содержанія. Во всѣхъ даются нашему духовенству разныя права и преимущества; освобождается оно отъ платежа всякаго рода пошлинъ, даней и повинностей; митрополитамъ предоставляется право суда и расправы надъ всѣмъ духовенствомъ и подвѣдомственными ему людьми, равно какъ и распоряженія всякаго рода церковнымъ и монастырскимъ имуществомъ; Татарамъ предписывается величайшее уваженіе къ нашей религіи, за хулу на которую, такъ какъ и за нарушеніе всѣхъ вышеозначенныхъ преимуществъ, опредѣляется наказаніемъ не менѣе какъ смертная казнь. И за всѣ эти преимущества, даруемыя духовенству, ханы просятъ у него только молитвъ за себя и благоденствіе своего рода и племени.

Спрашивается: сообразное ли съ чѣмъ это дѣло, чтобы властители Золотой Орды, исповѣдывавшіе исламизмъ, покровительствовали духовенству

враждебнаго исламизму христіанскаго исповѣданія въ такой мѣрѣ, что дѣлались почти отступниками отъ своей вѣры, и все это не только безъ выгоды для себя, но съ ущербомъ для собственной казны, и того, что называется гордостью народной? Чтобы они давали христіанскому духовенству такія преимущества, и оказывали такое уваженіе къ христіанской религіи, тогда какъ ихъ мусульманская предписываетъ величайшую нетерпимость и презрѣніе къ иновѣрцамъ; тогда какъ извѣстно, какія притѣсненія терпѣли христіане и какому униженію подвергались они въ Азіи всядѣ, гдѣ находились подъ властію магометанъ; тогда какъ историки разсказываютъ, что государи, которымъ приписываются ярлыки, славились ревностными приверженцами ученія Магомегова, и лѣтописи наши полны печальными сказаніями о разореніи Татарами церквей и монастырей, и слезными повѣстями о разныхъ князьяхъ принявшихъ въ Ордѣ отъ этихъ же самыхъ хановъ смерть мученическую за твердость свою въ вѣрѣ христіанской? Не находится ли по этому содержаніе ярлыковъ въ совершенномъ противорѣчіи съ исторіею? Не показываютъ ли эти самыя права и преимущества, даруемыя въ нихъ духовенству, что ярлыки сочинены въ Россіи самимъ духовенствомъ, не во время Татарскаго владычества, когда это ни къ чему бы не послужило, а въ позднѣйшее время, съ тою цѣлію, чтобы, показавъ какъ самые враги Россіи, нехристи, бусурмане, покровительствовали

духовенству, подвигнуть этимъ православныхъ царей къ соревнованію и дарованію духовнымъ новыхъ правъ или сохраненію прежнихъ; чтобы, такъ сказать, попрекать ихъ этими ярлыками, приговаривая какъ авторъ приписки къ нимъ у Новикова: „Вы православніи и христолюбивіи Царіе и Князи и Бояре, потщитеся къ святымъ Божіимъ церквамъ всяко благотвореніе показати.... и милость и милостыню... да не посрамлени будете отъ онѣхъ варваръ въ день судный!“

Отвѣчаемъ: нѣтъ! Въ продолженіе тысячелѣтняго существованія народа Русскаго духовенство наше, всегда вѣрное высокому призванію своему, не осквернялось никогда такою ложью, такими дѣлами духа тьмы; довольствовалось всегда тѣмъ, что имѣло, не стремилось къ увеличенію свѣтскаго могущества своего путями неправыми; потому нѣтъ повода обвинять его въ подлогѣ и въ настоящемъ случаѣ, не говоря уже о томъ, что противъ подлога съ его стороны вопіютъ и другія обстоятельства: ярлыки даны не одному какому-либо монастырю, не одной эпархіи, а духовенству цѣлой Россіи, митрополитамъ извѣстнымъ святостію жизни. Предполагая подлогъ, надо предположить согласіе на оный цѣлаго духовенства, по крайней мѣрѣ высшаго, а намъ нравственное чувство не позволяетъ вѣрить возможности такаго ужаснаго поступка въ какомъ бы то ни было народѣ, тѣмъ болѣе въ православномъ царствѣ Русскомъ. Исчисленныя въ ярлыкахъ права, льготы и преимуще-

ства оно дѣйствительно должно было получить отъ хановъ, ибо дѣйствительно пользовалось ими какъ издревле такъ и долгое время по свержеиіи Монгольскаго ига. Когда Іоаннъ III Васильевичь хотѣлъ отобрать у духовенства принадлежавшія ему села и деревни, и собралъ для этого въ 1500 году соборъ, то митрополитъ Симонъ отъ лица всего собора писалъ ему: „ .... Также, Государь, и въ нашихъ Русскихъ странахъ при твоихъ прародителяхъ, при В. К. Владимірѣ и при его сынѣ В. К. Ярославѣ.... даже и до сихъ мѣстъ, святители монастыри грады и волости, слободы и села имѣли, и суды и управы и пошлины и оброки и дани церковныя держали по божественнымъ велѣніемъ и установленіемъ“ и пр. И далѣе: „Многи и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ Царей въ своихъ царствахъ отъ св. церквей и отъ священныхъ мѣстъ ни что же не имаху .... и зѣло по святыхъ церквахъ побораху, не токмо въ своихъ странахъ, но и въ Русскомъ вашемъ царствіи, и *ярлыки* давали“ (Испор. Гос. Росс. т. VI. прим. 622 стр. 340 и 457). Да и въ самыхъ лѣтописяхъ находимъ этому подтвержденіе. Въ Софійскомъ временникѣ, подъ 1255 годомъ читаемъ: „тое же зимы пріѣхаша численицы отъ Татаръ, и сочтоша всю землю Руськую .... только не чтоша игуменовъ, поповъ и черньцовъ и кто служитъ святымъ церквамъ“ (Соф. Врем. изд. Строева. т. 1, стр. 269). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1257 годомъ: „тое же зимы пріѣхаша числѣницы из-Татаръ и изоч-

тоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую . . . точію не чтоша Архимандритовъ и игуменовъ и поповъ и дьяконовъ и крилошанъ и всего причета церковнаго.“ (т. III. стр. 37). И въ ней же подъ 1275 годомъ: „тогожъ лѣта бысть на Руси и въ Новѣгородѣ число (перечисленіе народа) второе изъ Орды отъ Царя. Изочтоша вси кромѣ священниковъ“ (Ibid. стр. 59). Когда лица духовныя и весь причетъ церковный не входили въ общую народную перепись, значитъ они избавлены были отъ податей, не платили ни чего въ казну завоевателей Россіи; потому, что цѣлью переписи у Монголовъ было не иное что, какъ правильное обложеніе народа податями. Для этого единственно принимали они на себя трудъ перечислять подвластные имъ народы, а не изъ статистическаго любопытства. Такъ было въ Китаѣ, Мавераннагрѣ, Персіи, такъ должно было быть и въ Россіи.

Теперь, когда сомнѣнія относительно дачи правъ и льготъ, помянутыхъ въ ярлыкахъ, удалены положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописей, остается объяснить еще: почему ханы дѣйствовали такимъ образомъ, что заставляло ихъ питать такое уваженіе къ нашей религіи и служителямъ ея, и выражать его столь убыточно для казны своей и мусульманскаго правовѣрія. Карамзинъ, (Ист. Гос. Росс. Т. IV. стр. 71) а вслѣдъ за нимъ и другіе старались объяснить это явленіе; но вмѣсто того, чтобы отыскивать его причины, ихъ придумывали,

вмѣсто того, что бы проникнуть основательно въ сущность дѣла, ограничивались предположеніями безъ доказательствъ, и противорѣчили сами себѣ. Такъ какъ настоящій вопросъ довольно важенъ, мы считаемъ не лишнимъ объяснить его съ нѣкоторою подробностію.

Можно предполагать, какъ и предполагаютъ вообще, что причины расположенія къ нашему духовенству со стороны хановъ были политическія; что, покровительствуя ему, они имѣли въ виду упрочить свое владычество, связавъ его съ выгодами класса, который всегда и вездѣ имѣлъ могущественное вліяніе на народъ; сдѣлавъ себѣ изъ духовныхъ не враговъ ярыхъ, какими бы они необходимо явились терпя притѣсненія отъ Татаръ, а заступниковъ усердныхъ, которые видѣли бы свою пользу въ игѣ наложенномъ иноплеменными на ихъ соотечественниковъ; но мы не думаемъ, чтобы Золото-Ордынскіе ханы были въ состояніи понять такую умную хотя и простую политику, и слѣдовать ей постоянно въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ. Изъ исторіи ихъ владычества надъ Россіею, изъ того, какъ допустили они усилиться Московскимъ князьямъ, какъ сами содѣйствовали соединенію раздробленной Россіи, тогда какъ имъ должно было поддерживать всѣми силами это раздробленіе, нельзя заключать, чтобы они были хитрыми, дальновидными правителями. Нѣтъ, причины ихъ покровительства духовенству, ихъ уваженія къ нашей религіи были другія, именно: от-

существіе въ ихъ религіи, а вслѣдствіе того и всякой религіозной ревности, величайшая вѣротерпимость, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпредѣльное суевѣріе.

Національной религіи у Монголовъ не было. До Чингисса мѣсто религіи заступали имъ нѣкоторыя темныя вѣрованія въ какое-то Высочайшее Существо, (которое, равно какъ и небо, они означали словомъ *Тангри*), и поклоненіе солнцу, лунѣ, горамъ, рѣкамъ, стихіямъ и предкамъ, которымъ приносились жертвы нерѣдко кровавыя (16). Виновниками всѣхъ золъ и бѣдствій своихъ считали они злыхъ духовъ, которыхъ боялись ужасно и старались задабривать приношеніями, черезъ посредство *Камовъ*, бывшихъ вмѣстѣ жрецами, кудесниками, гадателями и лекарями. Существованіе этихъ злыхъ и отчасти добрыхъ духовъ, и могущественное вліяніе на нихъ Камовъ — были капитальными догматами ихъ вѣрованій; кромѣ того они имѣли тьму разныхъ другихъ предразсуд-

---

(16) Такъ Китайскіе историки разсказываютъ, что по смерти Апаки, основателя царства Киданьскаго, вдова его Шуру лишила жизни нѣсколько сотенъ Киданьскихъ вельможъ, для того чтобы они сопровождали покойнаго на тотъ свѣтъ (Записки о Монголіи О. Іакинѳа. Т. II, стр. 160). Такъ изъ Персидскаго историка Вассафа узнаемъ, что въ могилу Гулагу зарыты были вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ (Доссона Hist. des Mongols. vol. III. p. 407). См. также Марко-Паоло, кн. I. глава LIII и LIV, и Жана де Мандевиля, гл. XIXXX.

ковъ и суевѣрій, короче: у нихъ былъ тотъ родъ религіи, который нѣкогда существовалъ у всѣхъ средне и сѣверо-восточныхъ Азійскихъ народовъ, и нынѣ называется шаманствомъ, котораго держатся еще и теперь всѣ дикари сѣверной Азіи, и который, по ученію Конфуція сорокъ вѣковъ исповѣдуютъ Китайцы (Плано-Карпини, кн. II, глава 3; Доссона Hist. des Mongols. vol. I. p. 16—17, Записки о Монголіи О. Іакинѳа. Ч. I. стр. 188—190). Чингисъ явился Монголамъ чѣмъ-то въ родѣ пророка. Самъ выдавалъ онъ себя за человѣка, предназначеннаго Небомъ для владычества надъ міромъ, такимъ признанъ былъ онъ единоплеменниковъ, и велѣнія его сдѣлались для нихъ самыми святыми, самыми непарушимыми законами, сдѣлались для нихъ почти религіозными догматами. Чингисъ самъ не держался никакого вѣроисповѣданія, признавалъ бытіе одного Высочайшаго Существа, но былъ при томъ суевѣренъ какъ и всякій Монголъ (17), потому боялся всѣхъ боговъ, и буддійскаго и мусульманскаго и христіанскаго; всѣхъ ихъ желалъ задобрить, какъ задабривалъ національныхъ злыхъ

---

(17) „Монгольскій Государь (Чингисъ) передъ каждымъ походомъ заставлялъ Блюй-Чуцая предварительно ворожить удачно ли будетъ предпріятіе; также и самъ повѣрялъ его ворожбу сожиганіемъ баранья го легкаго (кости?) и потомъ уже приступалъ къ дѣйствію.“ Гань-Му въ Исторіи первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова. Пер. съ Китайск. О. Іакинѳа. Спб. 1829. стр. 107).

духовъ (18), потому оказывалъ всегда величайшую вѣротерпимость, и одинаково покровительствовалъ духовнымъ всѣхъ религій (19), какъ посредникамъ между людьми и ихъ относительными божествами, какъ камамъ, которые могли укрощать ихъ гнѣвъ или испрашивать ихъ милость по волѣ. Эту же вѣротерпимость, равное уваженіе ко всѣмъ религіямъ, освобожденіе отъ всякихъ податей и повинностей ихъ служителей, а также и всякаго рода ученыхъ, предписывалъ онъ и своимъ преемникамъ. Эти и другія предписанія и установленія Чингисса, основанныя большею частію на древнихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ Монголовъ, и обнародованныя имъ на курилтаѣ (сеймѣ) 1206 года, собраны были въ одну книгу, которую Монголы называли *Тунджинъ*, и которую Персидскіе писатели цитируютъ подъ именемъ ياسا نامه *Яса-Наме* „книги запреповъ“, чаще просто подъ именемъ ياسا *Яса*, иногда же подъ именемъ ياسا وتورای جنکیزخانی *Яса ве*

---

(18) Любопытнымъ памятникомъ вѣрованія Чингисса въ злыхъ духовъ остался для насъ камень, посвященный имъ 335 *Эльс*, особеннаго рода крылатымъ демонамъ. См. объ этомъ Bericht ueber eine Inschrift aus der aeltesten Zeit der Mongolen-herrschaft, von. I. J. Schmidt, въ Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St. Petersbourg. VI-me serie. Sciences hist. Tome II.

(19) چون جنکیز خان تابع هیچ دین وملت نبود ازتعصب و ترجیح ملتی بر ملتی احتراز واجتناب نمودی Мирхондъ въ Роузен-эс-Сефа. См. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi. vol. V. p. 205 и 221.

Тура-и-Дженгизхани „запретовъ и законовъ Чингисъ-хановыхъ“ (20). По смерти Чингиса, эти „запреты и законы“ сдѣлались для преемниковъ его и всѣхъ Монголовъ вообще единственными, но за то въ высшей степени обязательными правилами въ жизни и правленіи, стали для нихъ Ведами, Евангеліемъ, Кораномъ. При восшествіи хановъ на престолъ приносили Яса и присутствующіе клялись соблюдать въ точности всѣ содержащіяся въ ней постановленія (21). Нарушеніе ихъ какимъ бы то ни было лицомъ считалось величайшимъ преступленіемъ и наказывалось строжайшимъ образомъ. Въ самомъ Яса, государя не соблюдавшаго ихъ предписывалось свергать съ престола и держать въ заточеніи цѣлую жизнь (Notices et extraits. vol. V, p. 206). Сообразно съ этими закона-

---

(20) Этотъ памятникъ Чингисова законодательства не дошелъ до насъ въ цѣлости, и мы знаемъ его только по отрывкамъ, цитированнымъ разными Мусульманскими писателями. О законахъ Чингисовыхъ см. Пти-де Лакруа Vie de Genghizkhan; Notices et extraits des manuscrits, vol. V. p. 205—229; Доссона Hist. des Mongols. V. I. p. 290 и слѣд; Де-Саси Chrestomathie arabe, II, 58; Histoire des Mongols de la Perse par Raschid-ed-Din. vol. I. p. CLX — CLXIX; Гаммера Geschichte des Goldenen Horde in Kiptschak, s. 182 — 202.

(21) Hist. des Mongols de la Perse par Raschid-ed-Din. Préface. p. CLXVII. Они исполнялись еще при Тамерланѣ и его преемникахъ, и, какъ говоритъ Маркизи, имѣли силу закона даже въ Египтѣ. Ibidem, и въ Chrestomathie arabe par De Sacy; vol. II. p. 60.

ми, всѣ Монгольскіе императоры, преемники Чингиса, покровительствовали одинаково всѣмъ религіямъ (22), одинаково освобождали отъ податей какъ поповъ и монаховъ, такъ муллъ, ламъ и шамановъ, и въ одно и то же время исполняли обряды и присутствовали при церемоніяхъ Христіанъ различныхъ сектъ, Магомешанъ, Буддистовъ и язычниковъ другихъ религій. Жены и приближенные императоровъ слѣдовали въ точности ихъ примѣру. Разсказывая о послѣднемъ обстоятельствѣ, Рубруквисъ (глава XXXVI) объясняетъ, что „дѣлали они все это для того, чтобы получить тѣ блага, которыхъ желали и избѣгнуть тѣхъ золъ, которыя могли ихъ постичь, не подозрѣвая, чтобы религіозные обряды могли имѣть какую-либо другую цѣль.“ Императоръ Мангу любилъ слушать споры проповѣдниковъ разныхъ вѣръ; но когда Рубрукъвисъ началъ говорить ему настоятельнѣе о своей, Мангу отвѣчалъ: „всѣ люди обожаютъ одного и того же Бога, и всякому свобода обожать его какъ угодно; благодѣянія же Божіи, равно на всѣхъ

(22) „Они не принуждаютъ ни кого къ отступленію отъ своей вѣры или закона“ говоритъ Плано-Карпини о Татарахъ, а Винцентій Бовезскій прибавляетъ: „Христіанамъ и всякимъ сектамъ и всякимъ вѣроисповѣданіямъ позволяютъ они у себя отправлять богослуженіе свободно и безопасно; да и во всѣхъ владѣніяхъ своихъ не обращаютъ вниманія на людскіе обычаи, только бы повиновались имъ во всемъ, и служили какъ приказываютъ“ (Собр. путеш. къ Татарамъ; изд. Языковымъ. Стр. 86—87).

изливаемыя, заставляютъ каждаго изъ нихъ думать, будто его вѣра лучше другихъ". Не смотря на чистый деизмъ этихъ словъ, Мангу „приносилъ жертвы небу, солнцу, лунѣ и горамъ", и „крайнѣ вѣрилъ волхвованіямъ шамановъ и ворожей, при каждомъ предпріятіи призывалъ ихъ къ себѣ, и не скучалъ быть съ ними почти каждый день", говоритъ Китайская исторія дома Юань (Ист. перв. чет. хановъ. Стр. 322, 331 и 350). Преемникъ Мангу, Хубилай, хотя и особенно расположенный къ Буддизму, уважалъ притомъ не менѣе и религію Христіанъ, Мусульманъ и Евресвъ. Марко-Паоло (кн. II. гл. II) разсказываетъ, что въ тѣ дни, когда Христіане праздновали большіе праздники свои, онъ призывалъ ихъ предъ себя, и съ благоговѣніемъ цѣловалъ Евангеліе, приказавъ прежде окадить его. — Но къ Христіанамъ Монгольскіе государи были вначалѣ вообще болѣе расположены чѣмъ къ Магометанамъ или послѣдователямъ другихъ религій (23). Виною сему были пре-

---

(23) Плано-Карпини пишетъ, что Кюкъ имѣлъ при себѣ христіанскихъ священнослужителей и давалъ имъ содержаніе, и что передъ большимъ шатромъ его стояла всегда христіанская часовня, въ которой они явно и открыто пѣли и звонили къ часамъ. (Собр. Пут. къ Татарамъ. стр. 42). „Мангу-Ханъ былъ благочестивъ, и при дверяхъ главнаго дворца своего имѣлъ церковь, гдѣ священники отправляли свои религіозныя обязанности безпрестанно и безъ всякой помѣхи. Онъ очень любилъ Христіанъ" (Стеф. Орпеліанъ въ Mémoires sur l'Armenie Сенъ-Мартена. vol. II. p. 135).

имущественно для обстоятельства то, что нѣкоторыя Монгольскія и Турецкія поколѣнія, какъ Кераиты и Уйгуры, были болѣе или менѣе обращены въ христіанство Несторіанскими проповѣдниками еще за долго до Чингисса, и то, что многіе государи имѣли женъ христіанокъ, сильно покровительствовавшихъ своимъ единовѣрцамъ. Это особенное благоволеніе къ Христіанамъ, и крещеніе, которое многіе государи и вельможи принимали какъ неважную и ни къ чему не обязывающую церемонію, и подали поводъ западнымъ Европейцамъ считать Монголовъ за Христіанъ, слѣдствіемъ чего были многочисленныя посольства миссіонеровъ въ Среднюю Азію ко двору императоровъ, посольства, совершенно не достигшія своей цѣли (24).

Гулагу и первые преемники его въ Персіи отличали Христіанъ особенными милостями, все по тому же, что жены ихъ были христіанки. О женѣ Гулагу, по имени Докузъ-хатунъ, Рашидъ-уд-Динъ разсказываетъ: „она постоянно поддерживала Христіанъ, и при жизни ея они очень усилились. Гулагу, изъ уваженія къ ней, оказывалъ имъ большія милости и почести, до такой степени, что на всемъ пространствѣ его владѣній они выстроили себѣ новыя церкви, у входа же въ орду (ставку) Докузъ-хатунъ стояла всегда походная часовня и

---

(24) Подробности этихъ посольствъ и дѣйствій христіанскихъ Миссіонеровъ въ Средней Азіи можно найти въ Мосгеймовой: Historia Tartarorum ecclesiastica, Helmstadi, 1741.

звонили въ колокола“ (Hist. des Mongols de la Perse par Rachid-eldin. Paris. 1836. vol. 1 p. 94). Это покровительство, которое оказывали Христіанамъ Гулагу и жена его, и было причиною того, что Армянскіе и Сирійскіе историки не находили довольно словъ, чтобы превознести достойно высокія качества обоихъ супруговъ, тогда какъ Гулагу былъ такой же варваръ Монголъ какъ и другіе. (См. Исторію Орпеліановъ Стефана Орпеліана въ Mémoires sur l'Arménie Сенъ-Мартена. vol. II. p. 123 и 151 (25); Баръ-Гебрея Chronicon Syriacum. p. 542; Гайтона Hist. orient. гл. XXVII). Преемникъ Гулагу, Абака, женатъ былъ на побочной дочери императора Михаила Палеолога, и милостями своими къ Христіанамъ также заслужилъ ихъ похвалы (Пахимеръ, кн. III. глава 3; Стефанъ Орпеліанъ. l. c. p. 153); но здѣсь эти милости имѣли уже отчасти и цѣль политическую. Въ расположеніи къ себѣ Христіанъ онъ и его преемники могли имѣть опору и помощь противъ мусульманскихъ владѣтелей Египта и Сиріи, съ которыми безпрерывно

---

(25) Вотъ слова Стефана: „Господу извѣстно, что они (Гулагу и Докузъ-Хатунъ) относительно благотворительности ни чѣмъ не уступали Константину и матери его Еленѣ.“ Сукіасъ Сомаль доказываетъ впрочемъ, что „Исторія Орпеліановъ, переведенная Сенъ-Мартеномъ, не есть произведеніе Стефана Орпеліана, а часть другаго сочиненія: „Исторіи Грузинцевъ,“ напечатанной въ 1775 году въ Мадрасѣ. См. Quadro della storia letteraria di Armenia estesa da Placido Sukias Somal. Venezia. 1829. p. 119.

находились въ войнѣ. Какъ цѣнили они эту помощь и какъ искали ее у западныхъ Христіанъ, доказываютъ многочисленныя посольства ихъ къ папамъ и дворамъ Французскому, Англійскому, Испанскому и другимъ (см. Mémoires sur les relations politiques des princes Chrétiens et particulièrement des rois de France, avec les empereurs mongols, par M. Abel-Rémusat. Paris. 1822 и 1824). Обстоятельство это было такъ важно, что преемники Абаки долго колебались: принять ли имъ исламизмъ или христіанство, чего ревностно добивались ихъ подданные и окружающіе, исповѣдывавшіе ту или другую изъ этихъ религій. Принятіе религіи было тутъ для нихъ политическою мѣрою, а не дѣломъ убѣжденія. Окруженные проповѣдниками разныхъ сектъ, Христіанами, Евреями, Магометанами, Буддистами, которые безпрестанно спорили о догматахъ и превосходствѣ одной вѣры передъ другою, они невольно лишались всякаго религіознаго убѣжденія, и если покровительствовали болѣе той или другой религіи, то не вслѣдствіе убѣжденія, и разсчета, или привычекъ дѣтства. Такъ преемникъ Абаки, Тегударъ, крещеный въ младенчествѣ, оказывалъ помомъ болѣе расположенія къ Мусульманамъ, и по восшествіи на престолъ торжественно принялъ исламъ, ибо былъ воспитанъ Мусульманами (Гайтонъ; гл. XXXVII); но ревность его къ исламизму была не въ духѣ погдашнихъ Монголовъ, и онъ лишенъ былъ престола недовольными за оставленіе имъ древнихъ

обычаевъ (Баръ-Гебрей. Стр. 605). Преемнику Тегудара, Аргуну, который любилъ Христіанъ и Буддистовъ, и у котораго дѣти были крещены, Мусульмане приписывали намѣреніе выдать себя за пророка и основать новую религію (Вассафъ, въ Доссоновой Hist. des Mongols. IV. 51—53). Это очень вѣроятно, ибо сообразно съ обстоятельствами. Великіе Моголы въ Индіи, относительно религіозныхъ понятій находились въ такомъ же положеніи, какъ Гулагиды въ Персіи, и нѣкоторымъ изъ нихъ приходили въ голову такія же идеи и намѣренія, какъ и Аргуну. Одинѣ и тѣ же причины, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, производятъ одинѣ и тѣ же слѣдствія. Очеркъ Байду-хана, шестаго владѣтеля Персіи изъ рода Гулагу, оставленный намъ Сирійскимъ историкомъ Баръ-Гебреемъ, превосходно изображаетъ религіозное состояніе всѣхъ Монгольскихъ властителей Персіи, колебаніе, нерѣшительность, страхъ ихъ предаться тому или другому исповѣданію. „Байду“ говоритъ онъ „былъ государь кроткій, скромный, человѣколюбивый; любилъ ученыхъ и даровитыхъ людей какой бы націи они ни были, осыпалъ ихъ щедротами и одарялъ почетными платьями. Въ бесѣдахъ съ Греческою принцессою, женою Абаки, которую посѣщалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ получилъ хорошее мнѣніе о Христіанахъ, позволилъ имъ имѣть часовни въ своей ордѣ и звонить въ колокола. Онъ сказывался имъ даже христіаниномъ и носилъ крестъ на шеѣ; но онъ не смѣлъ показывать къ нимъ сво-

его расположенія очень открыто, потому что сдѣлался магометаниномъ по примѣру большей части Монголовъ въ Персіи, которые въ это время обратились въ исламъ. Тѣмъ не менѣе онъ вовсе не соблюдалъ обрядовъ этой вѣры, и Магометане были очень злы на него за расположеніе его къ Христіанамъ, которые получили многія должности въ его столь кратковременное царствованіе (Chron. Syriac. p. 609). Гайтонъ паденіе этого государя также приписываетъ злобѣ на него Мусульманъ. „Государь этотъ“, говоритъ онъ, „былъ хорошій христіанинъ, далъ позволеніе строить церкви, и приказалъ, чтобы никто не осмѣливался проповѣдывать ученія Магометова между Татарами; но какъ изъ нихъ было много такихъ, которые приняли уже исламъ, то это приказаніе пришлось имъ очень не по сердцу. Ради того отправили они тайно людей къ Газану, сыну Аргунову, предлагая возвести его на престолъ, если только онъ отречется отъ христіанской вѣры. Газанъ, который былъ не очень ей преданъ (qui n'avait pas grande réligion), принялъ ихъ предположеніе и поднялъ бунтъ. Байду собралъ войско чтобы захватить его, ибо не зналъ объ измѣнѣ своихъ. Такимъ образомъ, когда дѣло дошло до битвы, всѣ тѣ, которые были Магометанами въ войскѣ Байду, оставили его и перешли на сторону Газана. Видя себя оставленнымъ, Байду обратился въ бѣгство, но былъ преслѣдованъ и убитъ“ (Hist. orient; глава XL). Мусульманскіе историки превозно-

сятъ православіе и ревность къ исламу этого Газана; но мы не думаемъ, чтобы это было справедливо. По сказаніямъ самихъ Магометанъ онъ принялъ исламъ только для достиженія престола. Религія служила ему только средствомъ для выполненія замысловъ честолюбія. Да и законы Чингиса, предписывавшіе религіозное равнодушіе, пользовались еще между Персидскими Монголами слишкомъ большимъ уваженіемъ, чтобы Газанъ могъ ихъ нарушать смѣло исключительною привязанностію своею къ Мусульманамъ: предшественникъ Байду-хана, Гайхату, сверженъ былъ съ престола именно за несоблюденіе законовъ Чингиса и обычаевъ предковъ (Chron. Syriac. Стр. 601). Противъ преданности Газана исламу говорятъ многія обстоятельства. Самъ онъ имѣлъ женою христіанку, дочь государя Армянскаго, и одну изъ родственницъ своихъ отдалъ въ замужство за Армянскаго же владѣтеля Семпада; искалъ союза съ Христіанами противъ мусульманскихъ владѣтелей Египта, и когда христіанскіе государи Запада, считавшіе его полу-христіаниномъ, въ письмахъ къ нему называли Мусульманъ „врагами божіими," мало того, что не оскорблялся этимъ и не старался разувѣрить ихъ въ противномъ, онъ отвѣчалъ на эти письма дружескими посольствами и увѣрялъ ихъ въ готовности своей принять христіанство (History of Armenia by Mich. Chamich, translated from Armenian by J. Audall. Calcutta. 1827 vol. II. p. 272; Абель-Ремюза: Mémoires sur les re-

lations, etc. p. 127-130). Наконецъ мусульманскій же писатель Новайри именно говоритъ, что Газанъ на словахъ исповѣдывалъ исламъ, а дѣлами доказывалъ противное, покровительствуя Христіанамъ (Hist. des Mongols Доссона. IV, 260). Когда помянутый выше Гайхату лежалъ одержимый опасною болѣзнію, то, по словамъ Вассафа, собраны были улемы, имамы, епископы, монахи и даже раввины, чтобы молить Бога о продолженіи его жизни (Ibid. IV. 86). Преемникъ Газана, Олджайту, также былъ въ дѣтствѣ крещенъ матерью своею Урукъ-хатунъ, женатъ на Маріи, сестрѣ императора Андроника младшаго, и только въ послѣдствіи принялъ исламъ (Гайтонъ, гл. XLV; Пахимеръ, кн. VII, гл. XXV). Наконецъ и скорое паденіе владычества Гулагидовъ въ Персіи Абель-Ремюза приписываетъ религіозному равнодушію, не позволившему имъ укрѣпить своего могущества искреннимъ принятіемъ вѣрованій христіанской или мусульманской части своихъ подданныхъ (Mémoires sur les relations etc. p. 125). И точно, покровительствуя то тѣмъ, то другимъ, они не могли привязать къ себѣ ни которыхъ.

Таково было религіозное поведеніе властителей Персіи изъ потомства Чингисова. Такъ же строго соблюдались предписанія Яса и въ Ордѣ Джагатайской. Въ подтвержденіе сего имѣемъ мы свидѣтельство путешественника XIV вѣка Ибнъ-Батуты, который разсказываетъ о Джагатайскомъ ханѣ Тарма-ширинѣ: „Этотъ Тарма-ширинъ на-

рушилъ нѣкоторые уставы Чингисъ-хана, обнародовавшаго книгу подъ названіемъ *Эль-ясакъ* „Запретъ", которою постановлялось, что нарушитель какаго-либо изъ ея уставовъ долженъ былъ лишиться своего мѣста (слѣдуетъ описаніе одного изъ установленій Яса) ..... Тарма-ширинъ нарушилъ это постановленіе, что почтено было великимъ оскорбленіемъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того какъ мы выѣхали изъ этой земли, Татаре, вмѣстѣ съ своими вельможами, собрались и низложили его, а на престолъ возвели одного изъ его родственниковъ. Тарма-ширинъ бѣжалъ, но былъ умерщвленъ (Travels of Ibn Batuta p. 92). Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что этотъ ханъ старался о введеніи ислама между своими подданными. Вѣроятно, что это обстоятельство было также одною изъ причинъ неудовольствія на него блюстителей Яса.(Geschichte der Hunnen und Türken etc. von Deguignes. Uebersetzt von J. K. Dähnert. Greifswald. 1769. vol. III. s. 334 (26).

Обратимся къ Золотой Ордѣ. Общій законъ проявляется во всѣхъ частныхъ явленіяхъ. Ханы Золотой Орды были такіе же потомки Чингиса какъ Гулагиды въ Персіи, какъ Джагатаиды въ Ма-

---

(26) Слѣды уваженія къ установленіямъ Яса сохранялись въ Туркистанѣ еще во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, какъ видно изъ описанія этой страны составленнаго въ 1773 году однимъ Маньчжуйскимъ чиновникомъ. „Въ первый день новаго года", говоритъ онъ, „Ахуны судили о добродѣтеляхъ и порокахъ Акимъ-Бека.

вераунпагрѣ и Туркистанѣ, точно также обязаны были исполнять велѣнія Яса, соблюдать тоже предписанное Чингисомъ равнодушіе ко всѣмъ вѣрованіямъ, покровительство духовенству всѣхъ исповѣданій, слѣдственно и въ Золотой Ордѣ должны были повторяться болѣе или менѣе тѣ же явленія, какія видѣли мы въ другихъ родственныхъ ей ордахъ. Такъ и было. До Берге-хана предшественники его оставались вполнѣ вѣрными одѣмъ суевѣріямъ предковъ. О Батыѣ Хондемиръ говоритъ, что „онъ не исповѣдывалъ ни какой религіи, не принадлежалъ ни къ какой сектѣ, поклонялся только единому Богу“ (Исторія Монголовъ. Пер. съ Персидскаго. Спб. 1834. стр. 49). О сынѣ его Сартакѣ шли слухи, что онъ христіанинъ; но Рубруквисъ разъубѣдился въ этомъ, когда увидѣлъ его лично. Берге первый изъ Золото-ордынскихъ хановъ принялъ исламъ (Ibid. и Абульгази Historia Mongolorum et Tartarorum nunc primum tatarice edita. Casani. 1825. p. 97). Что побудило его къ этому, не знаемъ; но знаемъ, что Русскіе свободно отправляли свое богослуженіе въ столицѣ его Сараѣ, потому что въ 1261 году митрополитъ Кириллъ у-

---

Если находили его добродѣтельнымъ, то оставляли, а если открывали какія противузаконныя дѣла, то вмѣстѣ съ народомъ оттѣняли его и предавали смерти.“ О. Іакинѳъ прибавляетъ, что обыкновеніе это продолжается и до нынѣ (Описаніе Джунгаріи и Восточнаго Туркистана. Пер. съ Китайск. монахомъ Іакинѳомъ. Часть II. стр. 199).

учредилъ тамъ эпархію, извѣстную подъ именемъ Сарайской, и поставилъ туда епископомъ Митрофана (Никон. лѣтоп. т. III. стр. 41). Знаемъ, что прежде того, въ 1297 году, при перечисленіи народа въ Россіи, духовенство и весь причетъ церковный не вошли въ „число“, то есть не были обложены податями (Ibid. стр. 37; Софійск. Временникъ. т. 1. стр. 269). О Ногаѣ извѣстно, что онъ женатъ былъ на христіанкѣ Эвфросиніи, побочной дочери императора Михаила Палеолога (Пахимеръ, кн. III, гл. 5). При Менгу-Темирѣ, въ 1275 году, было второе перечисленіе народа въ Россіи, и духовенство опять не вошло въ „число“ (Ник. лѣт. III, 59). Удѣльный князь Можайскій Ѳедоръ Ростиславичъ женился на его дочери, ханъ позволилъ ей креститься, и она отличалась потомъ ревностію къ вѣрѣ и благочестіемъ (Степенная книга. Москва. 1775. часть 1, стр. 393-397; Ист. Гос. Росс. т. IV. стр. 105 (27). Ханъ Тохтагу женатъ былъ на дочери императора Андроника старшаго, а Узбекъ на дочери Андроника младшаго (Пахимеръ, кн. III, гл. XXVII; Ибнъ-Батута; стр. 83). Обо всѣхъ этихъ бракахъ съ хри-

(27) „Если сія повѣсть новѣйшихъ лѣтописцевъ справедлива,“ говоритъ Карамзинъ, „то вѣроятно, что Ѳедоръ былъ зятемъ не Менгу-Темира, а Ногая, женатаго на Христіанкѣ и не хотѣвшаго принять вѣры Магометанской.“ Вотъ что значитъ увлечься какою нибудь ложною мыслью, какъ мысль Карамзина о ревностномъ исламизмѣ Золото-ордынскихъ хановъ: вездѣ она бу-

сніанскими княжнами упоминаемъ мы потому, что они не могли оставаться безъ вліянія на благосостояніе Христіанъ, по крайней мѣрѣ духовенства христіанскаго, а съ другой стороны доказываютъ, что ханы вовсе не были такими жаркими приверженцами Магометова ученія, какими изображаютъ ихъ наши историки. Пойдемъ далѣе. Объ Узбекѣ лѣтописи наши говорятъ: „Озбякъ войде въ богомерскую вѣру Срачиньскую“ (Воскрес. лѣт. II, 281); и „Сяде Царь Азбякъ на царство и обесерменился“ (Ник. лѣт. III, 189). Абульгази (Hist. Mong. et Tatar. p. 98) повѣствуетъ, что онъ اول اولوسنی دین اسلام غه كيركوزدی „обратилъ къ исламу народъ свой и землю свою“, о самомъ же Узбекѣ выражается, что онъ اتا باباسينينك دستوری برلان ضبط قيلدی „правилъ по закону (или обычаю) отцовъ и дѣдовъ своихъ“ Изо всего этого необходимо надо заключить:

1) Что если Берге и принялъ прежде того исламъ, то онъ не утвердился ни въ родѣ его, ни между подданными; иначе не за чѣмъ было Узбеку принимать его вновь. Что по этому вѣроятно, что ни Мангу-Тимуръ ни Тохтагу, ни Тула-Буга, ни Туда-Мангу, ни другіе предшественники Узбека не были мусульманами (28).

дешъ показывать вещи не въ настоящемъ свѣтѣ и вводишь въ ложныя сужденія и заключенія.

(28) Правда, на монетахъ этихъ хановъ встрѣчаемъ символы магометанскіе, изъ которыхъ надлежало бы заключать, что если не по убѣжденію, такъ наружно испо-

2) Что самъ Узбекъ до вступленія на престолъ не былъ мусульманиномъ, и принявъ исламъ уже по вступленіи на царство, сдѣлалъ это изъ какихъ нибудь видовъ, шѣмъ болѣе, что правилъ потомъ не по закону Пророка, а по обычаю дѣдовъ и отцовъ.

Вотъ и „Узбекъ славный въ лѣтописяхъ Востока ревностію къ вѣрѣ Магометовой“ какъ выражается Карамзинъ (II. Г. Р. IV, 162). Этотъ же Узбекъ, какъ видимъ изъ Ибнъ-Батуты, покровительствуетъ Христіанамъ въ Кафѣ (Travels, p. 75), и позволяетъ католическому монаху Іоннѣ Валенсу обращать въ христіанство Ясовъ и другіе народы по берегамъ Чернаго моря, въ чемъ Валенсъ и подвизается съ успѣхомъ (Raynaldi Annales ecclesiastici, ad ann. 1338, No 74 и 75; Шпраля Вey-

---

вѣдывали они исламъ; но мы не можемъ сдѣлать такого заключенія въ настоящемъ случаѣ, предполагая, что монетчиками первыхъ хановъ были вѣроятно Булгарскіе, Харизмскіе или Бухарскіе Мусульмане, которые могли sua sponte выбивать эти символы на монетахъ; ибо видимъ нѣже самые символы на монетахъ Чингисса, Мангу, Гулагу, Абаки, о которыхъ знаемъ навѣрное, что они не принимали ислама, и видимъ христіанскій символъ: „Во имя Отца и Сына и Св. духа Бога единосущнаго“ на монетахъ того же Абаки, Аргуна, о которомъ не извѣстно, что бы онъ торжественно исповѣдывалъ религію Спасителя, и Ахмеда, о которомъ знаемъ, что онъ являлся ревностнымъ магометанниномъ. См. Френа: Recensio numorum etc. p. 179, 193 - 204, 634 - 637; и его же: Монеты хановъ улуса Джучи. Спр. 60.

träge zur Russischen Kirchengeschichte. Halle. 1827. I, 158). И этотъ же Узбекъ выдаетъ за Георгія Даниловича Московскаго сестру свою Кончаку и позволяетъ ей креститься. „Дѣло не весьма согласное съ ревностію сего хана къ вѣрѣ Магометовой!“ восклицаетъ Карамзинъ (И. Г. Р. IV, 167). Точно, несогласное съ ревностію къ вѣрѣ Магометовой, — да мы не видимъ этой ревности ни въ Узбекѣ, ни въ комъ изъ его предшественниковъ и преемниковъ.

Теперь, если до Узбека ханы Золотой Орды не исповѣдывали ислама, или исповѣдывали только на словахъ, а не на дѣлѣ, такъ по крайней мѣрѣ можно ожидать, что послѣ него они были уже настоящими мусульманами; но что же дѣлаетъ преемникъ его Джанибекъ, когда жена его Тайдула впадаетъ въ тяжкую болѣзнь?—Ждетъ исцѣленія ея отъ христіанина, шлетъ къ В. К. Іоанну Іоанновичу по митрополита Алексѣя, и пишетъ ему: „слышалі мы, что есть у васъ попъ, которому Богъ даетъ все по молитвѣ его. Пустите къ намъ сего служителя Божія, да испроситъ отъ здравіе моей супругѣ“ (Степенная книга. I, 455). И Алексѣй отправляется въ Орду, кропитъ ханшу святою водою, и мольбами угодника Божія ханша выздоравливаетъ. Если бы ханы Золотой Орды и не соблюдали вѣротерпимости и уваженія къ духовенству всѣхъ вѣроисповѣданій, предписанныхъ Чингисомъ, такъ они могли и должны были жаловать наше духовенство за одинъ этакій

услуги и чудеса, и нѣтъ сомнѣнія, что шакія чудеса не мало содѣйствовали поселенію въ нихъ уваженія къ христіанской религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшенію его къ мусульманской; ибо, какъ въ настоящемъ случаѣ, они видѣли, что Небо явно благосклоннѣе къ молитвамъ духовныхъ Русскихъ, чѣмъ ихъ мусульманскихъ. Наконецъ лѣтописи наши разсказываютъ, что у Бирдибека были сыновья Михаилъ и Иванъ, стало быть христіане (Ник. лѣт. III, 312; Троицкая, въ Ист. Гос. Рос. IV. прим. 391).

Спрашиваю: гдѣ же во всѣхъ исчисленныхъ фактахъ видѣнъ изступленный фанатизмъ магометанскій? Вездѣ, напротивъ, находимъ уваженіе къ вѣрѣ христіанской, или, по крайней мѣрѣ, терпимость религіозную (29). Теперь, надѣемся, понятно почему ханы давали нашему духовенству тѣ права, льготы и преимущества, которыя видимъ мы данными ему въ ярлыкахъ: милости эти не были ни чѣмъ особеннымъ, необыкновеннымъ, исключительнымъ, а проявленіемъ общаго закона вѣротер-

---

(29) По этому Шпраль очень ошибается говоря, что со временъ Берге, Татаре сдѣлались пламенными приверженцами Корана; что wilder Fanatismus und Intoleranz bezeichneten nun alle ihre Handlungen, und Grausamkeiten geübt an Christen schienen ihnen Werke der Tugend. (Geschichte der Russischen Kirche. Halle. 1830. s. 258). Столько же несправедливъ онъ, когда по случаю освобожденія духовенства отъ податей, замѣчаетъ: so geschah es doch keineswegs aus Grossmuth oder Achtung vor fremder Religion, sondern aus bloser Schlauheit und List (Ibid. s. 248).

нимости, слѣдствіемъ покровительства духовнымъ всѣхъ вѣроисповѣданій, которое предписано было Чинкгисомъ, и соблюдалось потомками его вездѣ, гдѣ они властвовали, въ Китаѣ какъ въ Персіи одинаково. Понятно почему ханы оказывали такое уваженіе къ нашей религіи, что за хулу на нее грозили смертною казнію: уваженіе это завѣщано было имъ законодателемъ ихъ великимъ Чинкгисомъ, память котораго и уставы были для нихъ священны. Такое же уваженіе питали они и ко всѣмъ другимъ религіямъ въ мірѣ, такой же смертной казни подвергался всякой, кто бы вздумалъ хулить ихъ. Понятно почему они просили молитвъ за себя и родъ свой: это было слѣдствіемъ вѣрованія ихъ, что всѣ религіи одинаково хороши, одинаково ведутъ въ одной цѣли — отвратить зло, которымъ грозятъ небеса или низвести его милости, и что сдѣлать то и другое зависитъ отъ воли духовныхъ какъ посредниковъ между людьми и небомъ,—вѣрованія, оставленнаго имъ въ наслѣдіе также Чинкгисомъ. И вслѣдствіе этого вѣрованія молитвы христіанскаго священника казались для суевѣрія ихъ одинаково дѣйствительными, одинаково достигающими цѣли, какъ и молитвы имама и ламы, или заклинанія шамана.

Страннымъ можетъ показаться, какъ могла держаться такая система абсолютнаго безвѣрія или совершеннаго суевѣрія; но вглядишься въ нее ближе, и увидишь, что она заключала въ себѣ мно-

го елементовъ жизненности, ибо уживалась удивительно и съ умами тѣсными и съ умами обширными. Въ умахъ тѣсныхъ она давала огромную пищу суевѣрію, свойственному невѣжеству и недальновидности, а умы обширные, но не просвѣщенные свѣтомъ ученія Спасителева, могли смотрѣть на нее съ той точки зрѣнія, что всѣ религіи суть не иное что, какъ видоизмѣненія поклоненія одному и тому же Высочайшему Существу; что каждая имѣетъ свою хорошую сторону, но ни одна не соединяетъ всѣхъ, и потому умный человѣкъ можетъ въ одно и то же время исповѣдывать всѣ и не держаться ни одной, если это ему полезно, или оказывать преимущественно покровительство той или другой, смотря по обстоятельствамъ. На обряды разныхъ вѣръ можно было смотрѣть съ этой точки зрѣнія не болѣе какъ на обряды и не придавать имъ особенной важности. Система эта была, слѣдственно могла и должна была быть. Она родилась и поддерживалась вслѣдствіе обстоятельствъ. Столкновеніе столькихъ вѣрованій въ одну точку, соединеніе столькихъ разновѣрныхъ народовъ подъ одинъ скипетръ, не могло и произвести въ необразованныхъ властителяхъ такихъ массъ ничего кромѣ суевѣрія или религіознаго равнодушія. Но по мѣрѣ того какъ условія, подъ которыми образовалась эта система, уничтожались, уничтожалось и владычество ея надъ умами. Мѣстныя религіи пріобрѣтали постепенно болѣе и болѣе силъ, и толерантизмъ Монголовъ потопулъ

наконецъ совершенно въ исламизмъ и буддизмъ. Впрочемъ, той же самой системы держатся досель Манджуйскіе властители Китая. Въ одно и тоже время, какъ патріархи класса ученыхъ, они совершаютъ поклоненіе Небу, Землѣ и Конфуцію, молятся духамъ, которыхъ чтутъ Тао-се, и обожаютъ Шакья-Муни-будду, воплощеннаго въ лицѣ Хутухтъ, не находя ни какого противорѣчія во всѣхъ трехъ столь противуположныхъ религіяхъ.

Остается разрѣшить еще одно недоумѣніе: Если Золото-ордынскіе ханы оказывали терпимость и уваженіе ко всѣмъ религіямъ, слѣдовательно и къ христіанской, то какимъ же образомъ многіе изъ нашихъ князей погибли въ Ордѣ мученическою смертію за нивердость свою въ сей послѣдней, какъ разсказываютъ наши лѣтописи, а за ними повторяютъ тоже и наши историки? Тутъ было недоразумѣніе и со стороны князей, и со стороны лѣтописцовъ и исторіографовъ. Что князья наши погибали въ Ордѣ, и что причиною тому была отчасти и ихъ христіанская ревность — это фактъ неоспоримый, но который не только не служитъ опроверженіемъ существованію въ Ордѣ системы покровительства и уваженія ко всѣмъ религіямъ, но служитъ новымъ оному доказательствомъ. Припомнимъ, что смертная казнь назначалась тамъ наказаніемъ за хулу всякой религіи, а не одной христіанской, слѣдственно и за хулу магометанской. За что на примѣръ замученъ въ Ордѣ Романъ Ольговичъ Рязанскій? За то, что хулилъ законъ Ма-

гометовъ, говорятъ лѣтописи; по понятіямъ же Монголовъ, наказывать за хулу одной вѣрѣ было совсѣмъ не то, что за приверженность къ другой. Тутъ есть большая разница. Припомнимъ также, какъ доказано выше, что есть довольно основательный поводъ думать, что Менгу-Темиръ, при которомъ произошла мученическая смерть Романа, не былъ даже мусульманиномъ, слѣдовательно ни какъ не могъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ по внушенію мусульманскаго фанатизма, а исполнялъ только со строгостію законы Чингиса. Но по понятіямъ самаго Романа, по понятіямъ его соотечественниковъ и единовѣрцевъ, умереть ругая мусульманскую вѣру значило умереть за твердость въ христіанской. И князь былъ правъ и лѣтописцы правы. Доказательствомъ, что не за приверженность къ христіанству, не изъ мусульманскаго фанатизма, убивали князей нашихъ въ Ордѣ, можетъ служить и умерщвленіе Михаила Ярославича Тверскаго. Во все время пребыванія въ Ордѣ, и даже по произнесеніи ему смертнаго приговора, Татаре, замѣчаютъ лѣтописи, не мѣшали ему „творити ничтоже, еже по закону Христіанскому творима суть“ (Ник. лѣт. III, 119). Справедливо или нѣтъ, но ханы казнили князей за преступленія политическія, какъ ослушниковъ своей воли, какъ измѣнниковъ, бунтовщиковъ. Многіе князья погибли безвинно, жертвою клеветы, шли въ Орду на вѣрную гибель, единственно для спасенія народа своего отъ бѣдствій, и цѣною собственной жизни покупали спокойствіе поддашныхъ.

Эти жертвы благородной любви къ отечеству, эти мученики, полагавшіе живот за братій, будутъ вѣчно поминаемы съ благодарностію въ землѣ Русской, будутъ всегда служить украшеніемъ бытописанія нашего отечества, но —Татаре мучили ихъ не изъ фанатическаго пристрастія къ ученію Корана!

Грабежи церквей и монастырей нашихъ войсками хановъ также не доказываютъ противъ уваженія ихъ къ нашей религіи. Это имѣло мѣсто въ военное время, во владѣніяхъ ослушныхъ князей, а когда надлежало наказывать ослушныхъ, то, по Чингисовымъ же законамъ, Монголы ничего не должны были щадить.

Полагаемъ, что мы удалили всѣ поводы сомнѣваться въ истинности ярлыковъ, и предполагать подлогъ, какіе могли возникнуть изъ ихъ содержанія. Оно ни въ чемъ не противорѣчитъ открывающемуся изъ соображенія другихъ историческихъ источниковъ. Формы, въ которыхъ изложено это содержаніе, также не подаютъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію, будучи совершенно сходны съ таковыми же другихъ однородныхъ произведеній Монгольскихъ канцелярій, какъ докажетъ это ихъ сравненіе.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Форма ярлыковъ.

Старѣйшій изъ ярлыковъ, Менгу-Темировъ, начинается такъ „Безсмертнаго Бога силою“; Бирдибековъ и Аполяковъ: „Безсмертнаго Бога силою и величествомъ“; Узбековъ: „Вышняго и безсмертнаго Бога силою и величествомъ и милостію его многою“. Всѣ эти варіаціи простаго начала Менгу-Темирова ярлыка суть переводъ Монгольской фразы: *Мёнгкэ Тегрійинъ кючундуръ* „Вѣчнаго Бога (или Неба) силою“, которая относится къ слѣдующему за нею имени хана, и означаетъ, что властію своею считаетъ онъ себя обязаннымъ одному Богу или Небу. Фразою этою начинаются всѣ древнѣйшіе извѣстные памятники Монгольской письменности. Въ письмѣ хана Аргуна къ королю Французскому Филиппу прекрасному, писанномъ въ 1289 году, она находится въ томъ самомъ видѣ, какъ привели мы ее по Монгольски. (Mémoires sur les relations etc. par Abel-Remusat. p. 170; Zugabe zu den zwei mongolischen-original-Briefen der Könige von Persien Argun und Oldshaitu. Von I. J. Schmidt. St. Petersb. 1824. s. 7). Въ указѣ Чингиса Байджу-

Нояну, сохраненномъ для насъ Асцелиномъ въ Латинскомъ переводѣ, она переведена такъ: „Per praeceptum Dei vivi“ (Собр. путеш. къ Тамарамъ. Стр. 206). Въ томъ же видѣ, какъ въ письмѣ Аргуна, находимъ ее и въ письмѣ Ахмеда къ Египетскому султану Келауну, писанномъ въ 1282 году (30), и на монетахъ хана Газана (31). Въ послѣдствіи, при болѣе преданныхъ исламизму ханахъ Чингизидскихъ фраза эта замѣнилась изрѣченіями корана, какъ видно это изъ ярлыка Тохтамышева Беку Хаджи, въ которомъ мѣсто ея занимаетъ слѣдующая: „Надежда моя на Бога и упованіе на благость и милость его“ (Журн. Мин. нар. просв. годъ 1840. Книжка осьмая). Въ вышеупомянутомъ письмѣ Ахмеда находимъ какъ древнюю языческую, такъ вмѣстѣ съ нею и мусульманскую: „Во имя Аллаха всемилостиваго, всемилосердаго.“

Далѣе въ помянутыхъ четырехъ ярлыкахъ слѣдуетъ обращеніе *съ словомъ*: „Менгу-Темирово слово“; „Азбиково слово“; „Бердебеково слово“; „Апполякъ царь слово рекъ.“ Такъ и во всѣхъ ярлы-

---

(30) Въ Французскомъ переводѣ Доссона: Par la puissance de Dieu (Hist. des Mongols. III, 563). Въ переводѣ Ремюза: Par la puissance du Dieu très-haut (Mémoires etc. p. 96).

(31) Френа De Ilchanorum numis. Petropoli. 1834. p. 30. См. также Nachtrag къ цитированной выше книжкѣ академика Шмидта: Philologisch-kritische Zugabe u s. w. Шмидтъ первый прочелъ на Гулагидскихъ монетахъ эту и другія Монгольскія надписи, которыя не могли объяснить Тиксенъ, Адлеръ и Марсденъ, описывавшіе монеты, на которыхъ онѣ находятся.

кахъ, которые имѣемъ мы на Татарскомъ и другихъ языкахъ, за изрѣченіемъ „силою Бога“ слѣдуетъ имя хана, такой-то, „слово мое“ *ӱкгс минү* по Монгольски سوزم *сӧзюмъ* по Татарски.

Ярлыкъ отъ ханши Тайдулы митрополиту Іонѣ или Ивану начинается прямо: „Тайдулино слово“, безъ предшествующаго въ другихъ „силою Божіею“. Такъ и быть должно: если Тайдула и имѣла власть дѣлать и приказывать то или другое, такъ власть эту имѣла она въ качествѣ жены ханской, имѣла ее не отъ Бога, а отъ мужа.

Тайдулины ярлыки митрополитамъ Ѳеогносту и Алексѣю начинаются такъ: „по Зенебекову ярлыку Тайдулино слово“. „По Зенебекову ярлыку“ можетъ значить либо то, что свой ярлыкъ она давала въ дополненіе къ мужнину, какъ знакъ своей благосклонности, какъ приказъ своимъ собственнымъ чиновникамъ въ подтвержденіе мужнина ярлыка. Это можно заключать изъ ярлыка Ѳеогносту, въ которомъ упоминается, что Ѳеогностъ пожалованъ уже былъ ханскимъ ярлыкомъ за алою шамгою; либо слово ярлыкъ должно принимать здѣсь не въ смыслѣ „письменнаго указа“ а просто „повелѣнія словеснаго“, то есть, что словами этими Тайдула означаетъ, что ярлыкъ свой даетъ она по приказанію или съ позволенія мужа. Въ этомъ значеніи, то есть „приказанія“ находимъ мы слово ярлыкъ и на монетахъ Узбека, бившихъ въ Сараѣ, въ 726 году гиджры (1325-6 по Р. Х), на которыхъ написано: يرليغ همايون „бита по Высочайше-

му повелѣнію“ (32). Такъ же начинается и письмо Байджу-Ноина къ папѣ, сохраненное Асцелиномъ: Dispositione Divina ipsius Chaan transmissum, Baiothnoy verbum. „Силою Божіею, по приказанію (или вслѣдствіе ярлыка) самаго хагана, Баіотной слово мое“. Тоже находимъ и въ письмахъ Персидскихъ хановъ Ахмеда и Аргуна, признававшихъ надъ собою верховную власть хановъ Великой Орды. Они писали: „Силою Божіею, по милости (или изволеніемъ) хагана, слово (или повелѣніе, ярлыкъ) такого-то“.

Вслѣдъ за „словомъ“ идетъ во всѣхъ ярлыкахъ (кромѣ даннаго Тайдулою Іонѣ или Ивану) исчисленіе разныхъ военныхъ, гражданскихъ, финансовыхъ, полицейскихъ и придворныхъ чиновниковъ, къ которымъ обращается это слово. Не во всѣхъ ярлыкахъ порядокъ перечисленія одинаковъ, но почти во всѣхъ перечисляются одни и тѣже чиновники.

---

(32) На другихъ, вмѣсто يرليغ همايون видимъ حكم همايون, какъ на Сарайскихъ 1336 — 7 года, или از حكم همايون, что означаетъ тоже самое. См. Recensio numorum Muhammedanorum acad. imp. scient. Petropolitanae. Auct. C. M. Fraehn. Petropoli. 1826. p. 211, 218, 219; и его же: Монеты хановъ улуса Джучіева. Спб. 1832. стр. 7 и 9. Знаемъ еще монету Чинкгиса съ такою же надписью: قاآن العادل جنكيز خانينك يرليغى „велѣніемъ правосуднаго каана Чинкгиса,“ и нѣсколько съ такими же, битыхъ Джагатайскими владѣтелями Сююргатмишемъ и Махмудомъ. На первыхъ читаемъ: سيورغتمش يرلغى امير تيمور كوركان „По повелѣнію Сююргатмиша, эмиръ Тимуръ Курканъ;“ на вторыхъ: سلطان محمود يرلغى امير تيمور كوركان „По повелѣнію султана Махмуда, эмиръ Тимуръ Курканъ.“ См. Recensio. p. 224-6; Монеты улуса Джучи. стр. 60.

Тоже самое расположеніе, перечисленіе тѣхъ же самыхъ чиновниковъ и почти въ такомъ же порядкѣ, только съ исключеніемъ нѣкоторыхъ или прибавкою другихъ находимъ въ помянутыхъ выше ярлыкахъ Тохтамыша, Кутлукъ-Тимура и Сахибъ-Гирея, равно какъ и въ договорахъ Джанибека и Бирдибека съ Венеціанами.

По перечисленіи чиновниковъ начинается въ нашихъ ярлыкахъ самое дѣло, изложеніе даруемыхъ правъ, льготъ и преимуществъ. Такъ и въ другихъ, о которыхъ сейчасъ упомянуто: за переборомъ чиновъ, къ которымъ ханы обращаютъ слово, излагается кому, почему, и на какой конецъ дается ярлыкъ.

Все заключается показаніемъ: 1) года, мѣсяца и дня, когда писанъ ярлыкъ по Монгольскому лѣтосчисленію, а иногда и съ прибавленіемъ мусульманскаго; 2) мѣста, гдѣ находилась орда, когда писанъ ярлыкъ; 3) лицъ, докладывавшихъ и писавшихъ ярлыкъ. Тѣмъ же самымъ и въ такомъ же порядкѣ оканчиваются и многоупомянутые ярлыки Тохтамыша, Кутлукъ-Тимура, Сахибъ-Гирея, и договоры Джанибека и Бирдибека съ Венеціанами.

Образъ и порядокъ изложенія, пріемы и формы изслѣдуемыхъ нами ярлыковъ совершенно одинаковы съ таковыми же Татарскихъ, подлинники которыхъ существуютъ и достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Стало быть и съ этой стороны ярлыки наши выходятъ изъ боя съ побѣдою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лица, давшія и получившія ярлыки.

Изъ имѣющихся семи ярлыковъ четыре даны ханами, при ханшею. Что ханы имѣли право и могли давать льготныя и жалованныя грамоты своимъ подданнымъ, какими въ отношеніи къ нимъ были Русскіе, этого никто не станетъ оспаривать. Кромѣ того въ вышеприведенныхъ мѣстахъ нашихъ грамотъ и лѣтописей (стр. 11-15) мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что ханы давали ихъ. Трое изъ этихъ хановъ: Менгу-Темиръ, Узбекъ и Бирдибекъ—лица извѣстныя въ исторіи, и намъ не нужно объяснять, когда они царствовали. По крайней мѣрѣ наши и мусульманскіе лѣтописцы говорятъ объ нихъ довольно, для того чтобы мы не сомнѣвались въ ихъ существованіи; но не таковъ четвертый изъ этихъ хановъ, тотъ, который далъ ярлыкъ митрополиту Михаилу, — ханъ Аплолякъ, по Новиковскому изданію ярлыковъ, или Тюлякъ, какъ въ Суздальской лѣтописи.

Хана, который бы носилъ то или другое изъ этихъ именъ, мы не находимъ ни въ спискахъ ха-

новъ Золотой Орды, оставленныхъ намъ мусульманскими писателями, ни въ лѣтописяхъ отечественныхъ. Стало быть этого хана не существовало, стало быть это ханъ выдуманный и ярлыкъ его подложенъ? Нѣтъ, ни то, ни другое. Были въ Ордѣ такіе ханы, о которыхъ не упоминаютъ ни наши лѣтописи, ни Магометанскіе историки, но въ существованіи которыхъ мы ни мало не сомнѣвамся, потому, что до насъ дошли другія неопровержимыя свидѣтельства онаго — монеты сихъ хановъ. Таковъ, напримѣръ, Орду-Меликъ-ханъ, котораго знаемъ только по монетамъ его, битымъ въ Азовѣ и Новомъ Сараѣ въ 762 г. гиджры (1362-1 по Р. Х. (См. Recensio etc. p. 272; Монеты хановъ улуса Джучи. Стр. 17). Можетъ статься, что были и такіе ханы, отъ которыхъ даже и монетъ не осталось, какъ не осталось ихъ, или по крайней мѣрѣ не извѣстно доселѣ, отъ хановъ, которыхъ знаемъ по другимъ историческимъ источникамъ, напримѣръ отъ Тула-Буги, Тинибека, Токтакія, Баррака и другихъ. Слѣдовательно если бы мы и не нашли имени Аполяка или Тюпяка ни на монетахъ ни въ лѣтописяхъ нашихъ и мусульманскихъ, все бы мы не имѣли права отвергать существованіе такаго хана; но мы отыщемъ его, припомнивши въ какомъ исковерканномъ видѣ встрѣчаемъ иногда въ нашихъ лѣтописяхъ имена хановъ. Абдъ-ул-Лаха называютъ онѣ Овдуломъ; Джелаль-эд-Дина—Зелени или Зелетъ-Салтаномъ; Мохаммедъ-Булака — Маманшъ или Мамашъ-Салта-

номъ. Такъ и въ Апюляка или Тюпяка могли перекрестить переводчики или переписчики ярлыковъ какого-нибудь хана сходнозвучнаго имени Татарскаго, подъ которымъ мы давно уже его знаемъ. Принимая это въ соображеніе, равно какъ имя Мамая, который въ ярлыкѣ называется дядею Апюляка, и 1379 годъ, когда данъ и писанъ ярлыкъ, мы признаемъ въ Апюлякѣ или Тюпякѣ — Тулунъ-бекъхана, отъ котораго дошли до насъ монеты, битыя въ Новомъ Сараѣ въ 773 году гиджры (1371 - 2 по Р. Х. См. Френа Recensio etc, p. 294; его же Монеты улуса Джучи. стр. 22).

Три ярлыка митрополитамъ Ѳеогносту, Алексѣю и Іонѣ или Ивану дала ханша Тайдула, жена Джанибекова. Объ ней молчатъ Восточныя лѣтописи, за то цѣлую повѣсть разсказываютъ наши. За исключеніемъ этой повѣсти объ исцѣленіи ея митрополитомъ Алексѣемъ, мы узнаемъ еще изъ лѣтописей, что въ 1359 году она лишена была жизни во время смятеній въ Ордѣ, при низверженіи съ престола Невруз-хана (Ник. лѣт. III, 216). Вопросъ: правдоподобно ли, чтобы ханши могли давать ярлыки вообще, и такого содержанія, какъ Тайдулины тѣмъ болѣе, то есть, чтобы онѣ могли вмѣшиваться въ дѣла государственнаго управленія въ такой степени, въ какой видимъ мы вмѣшательство со стороны Тайдулы? Можемъ ли мы вѣрить этому, тогда какъ въ Европѣ привыкли думать, что женщины у всѣхъ Азіатскихъ народовъ не только не принимаютъ ни какаго уча-

стія въ правленіи, но едва ли имѣютъ какія-либо права гражданскія? Да, мнѣніе это существуетъ, и опытъ частаго повторенія пріобрѣло силу аксіомы, но оно не основательно. Всегда и у всѣхъ Азіатскихъ народовъ, женщины имѣли часто огромное вліяніе на дѣла, были виновницами многихъ важныхъ событій. Гаремныя интриги не разъ свергали и возводили на престолъ государей, и есть много примѣровъ, что самый престолъ этотъ занимали женщины, даже въ государствахъ мусульманскихъ, гдѣ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо на Востокѣ уважалось и уважается достоинство женщины. Исчисленіе подобныхъ случаевъ въ разныя времена и у разныхъ народовъ Азіи удалило бы насъ слишкомъ отъ предмета нашихъ изслѣдованій, потому мы ограничимся здѣсь бѣглымъ взглядомъ на значеніе и права женскаго пола только въ государствахъ Монгольскихъ.

Одна кочевая жизнь сама по себѣ дѣлаетъ уже женщину болѣе дѣятельнымъ членомъ общества, чѣмъ какимъ является она у народовъ осѣдлыхъ. Въ трудахъ и опасностяхъ ея женщины принимаютъ большое участіе, отъ того пользуются и бо̀льшими правами и бо̀льшимъ уваженіемъ. Если вѣрить словамъ Волынскаго лѣтописца, а мы не видимъ почему бы имъ не вѣрить, то Монголы поклонялись пѣснямъ не только отцовъ своихъ и предковъ мужескаго пола, но и пѣснямъ матерей (Ист. Гос. Росс. Т. IV. пр. 45); значитъ женщина высоко стояла во мнѣніи Монгола, была совершенно равною мужчинѣ. Изъ преданій, сохраненныхъ

Китайскими, Персидскими и Монгольскими историками, видимъ, что женщина по имени Алунгъ-Гоа или Аланкова была долгое время правительницею разныхъ Монгольскихъ поколѣній по смерти мужа своего. Тоже самое и въ тѣхъ же источникахъ читаемъ о Менулуин (Geschichte der Ost-Mongolen. s. 61; Historia Mongol. et Tatar p. 37; Исторія перв. чет. хановъ. Спр. 2 и 37; Исторія Монголовъ. Спб. 1834. Спр. 8-9). Когда, по смерти Исукая, отца Чингисова, повиновавшіяся ему поколѣнія отложились отъ сего послѣдняго и откочевали, вдова Исукая погналась за ними, лично предводительствуя войскомъ, и большую часть успѣла вернуть (Ист. перв. чет. хановъ. спр. 9 и 38). Чингисъ оказывалъ большое уваженіе къ своимъ женамъ, и въ Яса повелѣлъ щадить женщинъ и не причинять имъ зла даже во время смятеній и войны, когда противъ непокорныхъ надлежало употреблять неумолимую жестокость, когда забывались даже правила вѣротерпимости и уваженія къ предметамъ религіознаго обожанія и лицамъ духовнымъ (Доссона Hist. des Mongols. III, 605). — Жены Монгольскихъ императоровъ и хановъ имѣли каждая свою орду, то есть дворъ, своихъ конюшихъ, букауловъ и другихъ чиновниковъ (Ibid. II, 4), имѣли каждая свой юртъ, т. е. удѣлъ, состоящій изъ одного или нѣсколькихъ городовъ, или цѣлой области, доходы съ которыхъ поступали въ ихъ собственную казну и собираемы были ихъ собственными чиновниками (Hist. des Mongols Доссона

vol. III, 420, IV, 90 и въ другихъ мѣстахъ). По крайней мѣрѣ такъ было въ Великой Ордѣ и Персіи, а потому по аналогіи можно предполагать существованіе того же и въ другихъ ордахъ. Думаемъ, что ханши могли имѣть иногда даже свои войска, какъ имѣли ихъ принцы крови, и мнѣніе это основываемъ на томъ, что Чингисъ оставилъ въ наслѣдство матери своей Улуну три тысячи воиновъ (Ibid. II, 5). — Жены и матери властвующихъ хановъ играли всегда значительную роль въ правленіи, имѣли огромное вліяніе на всѣ дѣла государственныя, на всѣ милости исходившія отъ трона, наконецъ на самое избраніе государей; ибо видимъ что въ Великой Ордѣ и Персіи онѣ участвовали, и по законамъ Яса (Ibn-Batuta: Travels, p. 92) должны были участвовать во всѣхъ курилтаяхъ или государственныхъ сеймахъ, собиравшихся какъ для избранія новаго императора или хана, такъ и въ случаѣ другихъ какихъ-либо важныхъ событій. По кончинѣ же императоровъ или хановъ, участіе ихъ вдовъ въ правленіи увеличивалось еще болѣе: До собранія сейма и избранія новаго государя, правительницею государства оставалась всегда одна изъ женъ покойнаго. Такъ по смерти Угедая правительницею избрана была жена его Туракина-хатунъ; на избирательномъ сеймѣ она успѣла соединить голоса въ пользу сына своего Куюка, который и провозглашенъ былъ императоромъ; но и по вступленіи Куюка на престолъ правленіе все еще нѣсколько времени оста-

валось въ рукахъ его матери (Ист. дома Юань и Гань-му, въ Исторіи перв. чет. хановъ. стр. 299 и 300). По смерти Куюка правительницею избрана была жена его Огулъ-Гаймишь, а на избирательномъ сеймѣ, стараніями Сююркукшени-хатунъ, жены сына Чингисова Тулуя, престолъ достался сыну ея Мангу. По смерти мужа и во время малолѣтства Мангу и другихъ сыновей своихъ, эта Сююркукшени управляла многочисленными поколѣніями, доставшимися имъ въ удѣлъ, съ рѣдкимъ благоразуміемъ и пріобрѣла большое уваженіе Баскыя и другихъ князей крови (Hist. des Mongols Доссона. II, 246-249). Когда Кара-Гулагу, долженствовавшій наслѣдовать удѣлъ дѣда своего Джагатая, умеръ, владѣніе имъ перешло къ женѣ его Органѣ, которая и управляла цѣлые десять лѣтъ (Ibid. II, 271). По кончинѣ Хубилая регентшею оставалась жена его Гёкчинъ, хитростями своими достигшая того, что наслѣдникомъ Хубилая провозглашенъ былъ сынъ ея Тимуръ (Ibid. p. 506), послѣ котораго регентшею, до избранія ему преемника, была жена же его Булуганъ (Ibid. p. 506). Такъ въ Китаѣ, подъ правленіемъ династіи Юань, было постояннымъ правиломъ, что по кончинѣ императора, во время междуцарствія, власть переходила къ женѣ усопшаго. Въ Персіи также видимъ, что ханши участвуютъ во всѣхъ куриліаяхъ (Ibid. III, 414, 551, IV, 7, 83, 480, 603, 720), мѣшаются во всѣ интриги. Жена Абу-Саида, Багдадъ-хатунъ, и дочь Олджайту, Сати-

бикъ, были новыми Еленами послѣднихъ смутныхъ временъ владычества Монгольскаго въ Персіи. Сати-бикъ царствовала даже нѣсколько времени отъ своего имени (33) (Ibid. IV, 729; Исторія Монголовъ. стр. 95).

Видя роль, какую играли въ правленіи жены императоровъ и хановъ въ Великой Ордѣ, въ Китаѣ, въ Персіи, можно ожидать, что въ Золотой Ордѣ онѣ пользовались хотя частію тѣхъ правъ и того вліянія, которыя имѣли въ родственныхъ ордахъ; и дѣйствительно исторія свидѣтельствуетъ, что Золото-ордынскія ханши принимали значительное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, пользовались вліяніемъ, уваженіемъ и правами такими же какъ императрицы и ханши Монгольскія въ Монголіи, Китаѣ, Джагатаѣ и Персіи. Изъ разсказа Плано Карпини о Батыѣ видно, что Батый очень уважалъ главную жену свою, ибо сажалъ ее вмѣстѣ съ собою на возвышеніи въ родѣ трона, въ то время какъ даже братья и сыновья его должны были сидѣть ниже (Собр. пут. къ Татарамъ. стр. 20). Волынская лѣтопись повѣствуетъ, что Даніилъ Галицкій, прибывши въ Орду къ Батыю, являлся на поклонъ и къ „великой княгинѣ“ его Баракчинъ (Ист. Гос. Росс. Т. IV.

---

(33) Въ мемуарѣ Френа: De Ilchanorum seu Chulagidarum numis, p. 60, описаны двѣ монеты Сати-бикъ, принадлежащія музею Имп. Акад. Наукъ, на которыхъ изображено: „Правосудная Султанша Сати-бикъ. Да продлитъ Аллахъ ея царствованіе“.

пр. 302). Эта же Баракчинъ, жена Батыева, по словамъ Рашидъ-эд-Дина, поставлена была отъ императора Мангу правительницею Орды на время малолѣтства Улагчи, сына Сартакова, назначеннаго ему въ преемники (Гаммера Gesch. der Goldenen Horde. s. 143). Когда Михаилъ Ярославичь Тверской кончалъ мученически жизнь свою въ Ордѣ, онъ поручилъ сына своего Константина покровительству ханши Баялынь, и она защитила отъ гнѣва ханскаго не только его, но и всѣхъ бояръ Михаиловыхъ, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство (Ник. Лѣт. подъ 1319 годомъ). Ибнъ Батута, посѣщавшій дворъ и странствовавшій во владѣніяхъ Узбека, разсказываетъ, что когда по пятницамъ ханъ этотъ держалъ торжественныя аудіенціи въ золотомъ шатрѣ, то самъ онъ и четыре главныя жены его сидѣли на тронѣ; передъ нимъ ниже сидѣли его дочери; сыновья же его, братья и ближайшіе родственники стояли. Когда которая изъ этихъ четырехъ женъ входила въ шатеръ, ханъ вставалъ, бралъ ее за руку и самъ сажалъ на тронъ (Travels of Ibn-Batuta, translated by S. Lee. London. 1829. p. 77). Кому извѣстны восточные обычаи, тотъ изъ такого обращенія хана съ своими женами необходимо выведетъ заключеніе, что онѣ пользовались огромнымъ уваженіемъ: да и самъ Ибнъ-Батута замѣчаетъ, что „въ Кипчакѣ къ женщинамъ имѣютъ глубокое уваженіе, особенно къ женамъ хановъ и вельможъ“ (Ibid. p. 76). Князья наши, митрополиты, бояре,

пріѣзжая въ Орду, ходили на поклонъ съ дарами, не только къ самому хану и ханшѣ, но и къ князьямъ ордынскимъ и даже ихъ женамъ. Такъ Никоновская лѣтопись (III, 116) разсказываетъ, что когда В. К. Михаилъ Ярославичь Тверской явился въ 1319 году въ Орду, то „по обычаю дари всѣхъ князей и княгинь, послѣди самаго царя и царицу". Наконецъ и то, что знаемъ мы о заботахъ Джанибека для излеченія Тайдулы, по поводу которой вошли мы въ изложенныя подробности, показываетъ какъ почитали ханы своихъ женъ, какимъ заботливымъ вниманіемъ окружали ихъ. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что Тайдула могла дать, даже отъ своего имени, тѣ ярлыки, которые дошли до насъ; ибо мы видѣли, что Золото-ордынскія ханши имѣли въ правленіи такое же участіе, и такое же вліяніе на дѣла какъ Велико-ордынскія, Китайскія и Персидскія. Мѣра вмѣшательства въ дѣла государственнаго управленія и степень вліяніе вообще, разумѣется, зависѣли много отъ личныхъ достоинствъ ханшъ, ихъ ума, красоты, оставляя въ сторонѣ права на это. Одна ханша могла дѣлать то, для чего у другой не достало бы характера, силы воли, хитрости. Такія исключенія не идутъ за правило; на нихъ мы и не основываемся, но не считаемъ лишнимъ, въ заключеніе сказаннаго о мѣстѣ, какое занимали женщины въ Монголо-Татарскомъ обществѣ, привести одинъ примѣръ того вліянія, какое могла имѣть въ немъ необыкновенная жен-

щина. Говоримъ о Турканъ-хатунъ, матери знаменитаго султана Мохаммеда Хорезмъ-шаха, современника и противника Чингисова. Вотъ какъ обрисовываетъ ее Доссонъ на основаніи извѣстій, оставленныхъ достовѣрными писателями: „Одаренная сильнымъ характеромъ, она пользовалась въ государствѣ такою же властію, какъ и сынъ. Когда въ какое-либо мѣсто получались два различныя повелѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, одно отъ Мохаммеда, другое отъ Турканъ-хатунъ, то обращалось вниманіе только на число, отъ котораго писаны были бумаги, и исполненіе производилось по позднѣйшему. Мохаммедъ не пріобрѣталъ ни одной области безъ того, чтобы какою-нибудь значительною ея частію не увеличить удѣла матери. У нея было семь секретарей, все людей съ большими достоинствами. Тугра ея, которую она собственноручно надписывала надо всѣми указами своими, состояла изъ словъ: „Покровительница міра и религіи, Турканъ, царица надо всѣми женщинами вселенной". Девизомъ ея было: „Одинъ Богъ мое прибѣжище". Она носила титулъ Худавенди-Джеганъ „властительницы міра" (Hist. des Mongols. I, 198).

Обращаемся къ лицамъ получившимъ ярлыки. Трое изъ нихъ, митрополиты Петръ, Ѳеогностъ и Алексѣй—люди не только замѣчательные въ исторіи нашей іерархіи, но мужи, память которыхъ чтимъ какъ святыхъ. Михаилъ, названный митрополитомъ въ ярлыкѣ, данномъ ему отъ

Алюляка, есть Михаилъ Митяй, Спасскій архимандритъ, который не дожилъ до полученія этого сана, но извѣстно что искалъ его. Пятое же лицо, которое въ ярлыкѣ данномъ ему Тайдулою именуется митрополитомъ Іоною, какъ читаемъ въ Новиковскомъ изданіи, или митрополитомъ Иваномъ, какъ находимъ въ Суздальской лѣтописи, — вовсе намъ незнакомо.

Изъ митрополитовъ Кіевскихъ и всея Руси не было ни одного именемъ Ивана. Іону знаемъ нѣсколько; но самый древній изъ нихъ, Іона святой, избранъ въ этотъ санъ не ранѣе 1437 года, а Тайдула лишилась жизни въ 1359, за 78 лѣтъ до его избранія, стало быть ужъ никакъ немогла дать ему ярлыка. При жизни ея митрополитами Кіевскими и всея Руси были только двое, Ѳеогностъ и Алексѣй. Въ Кіевѣ и Литвѣ были еще въ это время митрополиты Ѳеодоритъ и Романъ; митрополита же Іоны не было въ ея время. Какъ объяснить это обстоятельство? Не знаемъ, и всѣ предположенія, которыя могли придумать въ объясненіе его, объявляемъ заранѣе неудовлетворительными для насъ самихъ. Ближе всего было бы предположить, что Іона, которому данъ ярлыкъ, есть Іона святой, но что Тайдула, давшая ему оный, не одно и то же лицо съ Тайдулою, женою Джанибековой, а жена какого нибудь позднѣйшаго хана Золото-ордынскаго, современнаго этому Іонѣ; только для поддержанія этого предположенія мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ. Гам-

меръ принимаетъ, не знаемъ на какомъ основаніи существованіе двухъ Тайдулъ; но его вторая Тайдула не объясняетъ нисколько настоящаго затрудненія, ибо жалуя ее въ жены Узбека, онъ заставляетъ ее жить ранѣе нашей, жены Джанибековой (Gesch. d. Gold. Horde. s. 312). — Видя, что Михаилъ Митяй, получившій ярлыкъ отъ Аѳоніяка, названъ въ немъ митрополитомъ, тогда какъ не былъ еще посвященъ въ этотъ санъ, можно подумать, не произошло ли и въ настоящемъ случаѣ чего-либо подобнаго, не былъ ли и этотъ, пишущуемый въ ярлыкѣ митрополитомъ, Іона или Иванъ просѣмъ епископомъ, который собирался попасть въ митрополиты, и, подобно Митяю, выхлопоталъ ярлыкъ заблаговременно. Молчаніе лѣтописей объ этомъ объяснить не трудно: онѣ умалчиваютъ слишкомъ обо многомъ. Наконецъ, можно предполагать, что всей запутанности вопроса виною ошибка писцовъ Ордынскихъ, или переводчиковъ и переписчиковъ Русскихъ, которые простаго епископа назвали митрополитомъ; и это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что ярлыки получали не одни митрополиты, но и епископы, какъ видно, напримѣръ, изъ словъ Никоновской лѣтописи подъ 1313 годомъ: „ярлыки имаху кождо на свое имя, и князи и епископы.“ (III, 108). И въ той же лѣтописи, подъ 1329 годомъ, именно говорится, что „пожалова царь Азбякъ Сарайскаго владыку, даже ему вся по прошенію его, и никто же его ни чѣмъ да не обидитъ“ (III, 154), т. е.

далъ ему ярлыкъ, который не дошелъ до насъ какъ и тьма другихъ. Описку въ словѣ „митрополитъ“ можно подозрѣвать тѣмъ основательнѣе, что есть два различныя чтенія самаго имени того лица, которому данъ ярлыкъ. Какой же епископъ былъ этотъ Іона или Иванъ? Изъ современныхъ Тайдулѣ епископовъ разныхъ епархій не знаемъ ни одного по имени Іона. Іоанновъ было трое: Іоаннъ, епископъ Ростовскій, Переяславскій и Ярославскій, хиротописанный въ 1346 и скончавшійся въ 1355 году; Іоаннъ, который около 1352 г. былъ, можетъ быть, епископомъ Суздальскимъ, что навѣрное неизвѣстно, и Іоаннъ, епископъ Сарайскій, поставленный въ 1355 году митрополитомъ Алексѣемъ (Исторія Россійской іерархіи, соч. Іеромонаха Амвросія. Москва. 1807. Ч. I. стр. 117 и 176. Ник. лѣт. III, 206). Которому нибудь изъ нихъ и данъ, можетъ быть, затрудняющій насъ ярлыкъ.

Замѣчательно, что историки наши, упоминающіе хотя мелькомъ о прочихъ ярлыкахъ, не сказали ни слова объ этомъ; не напечатанъ онъ какъ шесть другихъ и въ „Собраніи государственныхъ грамотъ“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мѣсто, время и обстоятельства, въ которыхъ даны ярлыки.

Видя, что всѣ ярлыки совершенно сходны по содержанію, что во всѣхъ митрополитамъ, духовенству и церковному причету даются одинъ и тѣже права, льготы и преимущества, мы невольно поражаемся мыслію: къ чему было столько разъ повторять одно и тоже; не довольно развѣ было дать одинъ такой ярлыкъ, чтобы потомъ не имѣть уже надобности давать подобные, чтобы права, льготы и преимущества, пожалованныя въ немъ однажды, оставались неприкосновенными навсегда? Не довольно: кромѣ законовъ Яса, основныхъ конституціонныхъ, долженствовавшихъ пребывать нерушимыми для потомковъ Чингиса, всякій новый ханъ могъ отмѣнить постановленія и распоряженія своего предшественника, отставить всѣхъ его чиновниковъ, отнять всѣ дарованныя имъ кому-либо льготы, права и имущества, и вслѣдствіе того отмѣнять ихъ или оставлять въ прежней силѣ, смотря по желанію. Въ послѣднемъ случаѣ,

императоры и ханы, по восшествіи своемъ на престолъ, объявлялн, какъ видимъ это въ Великой Ордѣ и Персіи, что всѣ, или такіе-то и такіе-то ярлыки и постановленія своего предшественника они утверждаютъ и оставляютъ въ полной силѣ, либо давали эти ярлыки снова, либо скрѣпляли ихъ своею подписью. Тоже должно было быть и въ Золотой Ордѣ; потому и вѣроятно, что каждый ханъ, по восшествіи на престолъ, давалъ духовенству нашему новый ярлыкъ. До насъ дошли таковые только отъ четырехъ: Менгу-Темира, Узбека, Бирдибека и Анюляка. Нѣтъ сомнѣнія, что были ярлыки и другихъ хановъ, но потерялись. Это свидѣтельствуется словами самихъ ярлыковъ, въ которыхъ говорится, что другіе ярлыки одинаковаго содержанія даны были прежде того предшествовавшими ханами. Такъ въ Менгу-Темировомъ читаемъ: „Чингій Царь потомъ кто ни будетъ *дали есмя жалованныя грамоты* Русскимъ Митрополитамъ и церковнымъ людемъ тако молвячи, чтобъ есте и послѣдніе Цари по тому жъ пути пожаловали поповъ и черицовъ и всѣхъ богадѣльныхъ людей.... И какъ первые Цари ихъ пожаловали и мы, Богу моляся и *ихъ грамотъ не изыначивал*, по томужъ жалуемъ“. — Въ Узбековомъ: Да вси покаряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по первымъ изначала закономъ ихъ и *по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтерямъ.*“ И далѣе: „И мы бо также управляемъ и

жалуемъ, якоже и прежніе Цари *ярлыки имъ давали* и жаловали ихъ. А мы потому жъ пути *тѣми жъ ярлыки* жалуемъ ихъ". Еще далѣе: „И мы, Богу молясь, *по первыхъ же Царей грамотамъ*, грамоты имъ давали жалованныя, а не изыначиваемъ ни въ чемъ." Тоже самое, и въ тѣхъ же самыхъ словахъ повторяется и въ другихъ ярлыкахъ. Въ Тайдулиномъ Ѳеогносту и Ашюляковомъ Михаилу упоминается именно объ ярлыкахъ, данныхъ нашему духовенству Джанибекомъ, Азизомъ и Бирдибекомъ. Изъ нихъ дошелъ до насъ одинъ послѣдній.

Что при вступленіи на престолъ каждаго новаго хана надлежало просить у него новаго ярлыка, новаго подтвержденія прежнимъ привилегіямъ духовенства, и что каждый ханъ давалъ, или по обычаю долженъ былъ давать таковой, видно и изъ разныхъ мѣстъ нашихъ лѣтописей, въ которыхъ, при сказаніи о вступленіи на престолъ хановъ, повѣствуется вмѣстѣ съ тѣмъ о хожденіи къ нимъ въ Орду митрополитовъ за причетъ церковный и полученіи ярлыковъ. Такъ въ 1313 году умеръ Тохтагу-ханъ, вступилъ на престолъ Узбекъ, и вотъ въ томъ же году митрополитъ Петръ отправляется въ Орду „того ради понеже тогда въ Ордѣ Тахтя Царь умре, а новый Царь Азбякъ сѣлъ на царствѣ и вся обновишася: и вси прихожаху въ Орду того ради понеже тогда во Ордѣ ярлыки имаху" (Ник. лѣт. III, 108); и получаетъ таковой, который дошелъ и до насъ. Въ 1340 году умираетъ Узбекъ; на царствѣ, послѣ

разныхъ смутъ, утверждается въ 1341 году сынъ его Джанибекъ, и вотъ, въ томъ же году, митрополитъ Ѳеогностъ идетъ въ Орду „за причетъ церковный къ Царю Чанибеку“, и въ томъ же году возвращается изъ Орды, куда, говоритъ даже лѣтопись „ходилъ о причтѣ церковномъ, имаше бо Митрополитъ и Епископы ярлыки на своя причты церковныя отъ Царей Ординскихъ“. (Ник. лѣт. III, 179). Ярлыкъ, данный ему Джанибекомъ, до насъ не дошелъ, но мы имѣемъ полученный имъ, вѣроятно въ тоже время, ярлыкъ жены Джанибековой, Тайдулы, въ которомъ упоминается о дачѣ ему таковаго же отъ Джанибека. Умираетъ Джанибекъ, вступаетъ на престолъ въ 1357 году сынъ его Бирдибекъ, и мы видимъ, что митрополитъ Алексѣй, только что передъ тѣмъ бывшій въ Ордѣ, опять туда отправляется. Въ лѣтописяхъ, сколько мнѣ извѣстно о семъ хожденіи Алексѣя, не упоминается; Степенная книга разсказываетъ, что цѣлію онаго было умилостивить Бирдибека, наложившаго тяжкій „запросъ“ т. е. временной сборъ, на всѣхъ князей Русскихъ. (I, 456). Если этотъ запросъ со стороны Бирдибека дѣйствительно имѣлъ мѣсто, то нѣтъ сомнѣнія, что отечестволюбецъ Алексѣй, отправляясь въ Орду, имѣлъ въ виду и освобожденіе отъ него Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣроятно и то, что прямою цѣлію отправленія его къ Бирдибеку была необходимость поздравить его по обычаю со вступленіемъ на царство, и ходатайствовать о новомъ яр-

лыкѣ въ подтвержденіе льготъ, дарованныхъ духовенству его предшественниками. Свидѣтельство этого — ярлыкъ Бирдибека Алексѣю, имѣемъ въ рукахъ.

И мало того, что каждый ханъ, при восшествіи своемъ на престолъ, давалъ духовенству нашему ярлыкъ по образцу прежнихъ; онъ могъ давать ихъ нѣсколько въ продолженіе своего царствованія, смотря по тому, сколько митрополитовъ перемѣнялось при немъ. Полученіе ярлыка отъ хана, какъ инвеституры на санъ свой, было для митрополитовъ столь же необходимо, какъ князьямъ полученіе ярлыковъ на княженія и города. Какъ власть князей надъ свѣтскими, такъ и власть митрополитовъ надъ духовными не имѣла законности, не утвержденная ярлыкомъ ханскимъ. Отправляясь въ Орду, по воцареніи новыхъ хановъ, для ходатайства о возобновленіи льготъ духовенству, митрополиты ѣздили вмѣстѣ съ тѣмъ и за собственнымъ утвержденіемъ. Сказанное основываемъ мы: 1) На самыхъ ярлыкахъ, которые разбираемъ: три изъ ханскихъ очевидно носятъ характеръ инвеституръ; одинъ и тѣмъ же ярлыкомъ ханъ утверждалъ какъ преимущества духовенства, такъ и митрополита въ его санѣ. 2) На томъ, что Персидскіе Чингизиды давали такіе инвеститурные ярлыки митрополитамъ Армянскимъ. Такъ въ „Исторіи Орбеліановъ“ читаемъ, что Гулагидъ Аргунъ далъ въ 1288 году Стефану, митрополиту Сіунійскому, „по обычаю на-

рода своего, ярлыкъ на управленіе церковью, народомъ и Епископами". (Mémoires sur l'Arménie Сенъ-Мартена. II. p. 169). 3) На отправленіи въ Орду митрополитовъ Максима и Ѳеогноста, перваго тотчасъ по поставленіи его на митрополитство въ 1283 году, втораго вскорѣ послѣ того. Во время возведенія Ѳеогноста на митрополитство, ханомъ въ Ордѣ былъ Узбекъ, отъ котораго духовенство Русское имѣло уже ярлыкъ, полученный на имя митрополита Петра, но это не помѣшало Ѳеогносту ѣхать къ Узбеку. За чѣмъ ѣздилъ онъ — лѣтописи не говорятъ; за ярлыкомъ для себя—думаемъ мы.

Но мы не видимъ, чтобы митрополиты Петръ и Алексѣй отправлялись въ Орду тотчасъ или вскорѣ по хиротонисаніи своемъ. Петръ, поставленный въ 1308 году, отправился въ Орду только въ 1313, по случаю восшествія на престолъ Узбека. Алексѣй, поставленный въ 1353 году, поѣхалъ туда не ранѣе 1356 года, и то по вызову хана лечить жену его Тайдулу, вслѣдствіе исцѣленія которой и получилъ отъ нея, вѣроятно, тотъ ярлыкъ, который имѣемъ мы отъ Тайдулы на имя сего митрополита.

Возраженіемъ этимъ ни сколько не опровергается наше положеніе: мы имѣемъ въ рукахъ ярлыкъ Менгу-Темира, данный въ митрополитствованіе Кирилла III, а не находимъ въ лѣтописяхъ, чтобы Кириллъ ѣздилъ за полученіемъ его въ Орду; стало быть, или лѣтописи умолчали о хожденіи Кирилла къ Менгу-Темиру, слѣдственно могли умол-

чать и о хожденіяхъ въ Орду другихъ митрополитовъ, или ярлыки можно было получать митрополитамъ отъ хановъ, и не отправляясь за ними лично въ Орду. Съ 1357 года, когда Св. Алексѣй ходилъ къ Бирдибеку, лѣтописи не упоминаютъ болѣе ни о какомъ хожденіи въ Орду его или другихъ митрополитовъ, его преемниковъ. Можетъ быть они и въ самомъ дѣлѣ не отправлялись туда болѣе, по разнымъ причинамъ, между прочимъ по причинѣ безпрерывныхъ переворотовъ, волновавшихъ Орду. Ярлыкъ отъ Азіяка Михаилу не доказываетъ противнаго. Лѣтописи не разсказываютъ, чтобы Михаилъ Тверской ѣздилъ въ Орду за полученіемъ онаго, или просто ѣздилъ туда для чего-бы то ни было. Они не упоминаютъ даже о полученіи имъ ярлыка, а говорятъ только, что на пути въ Константинополь, куда Михаилъ отправлялся для испрошенія митрополитства у патріарха, остановленъ онъ былъ Татарами, приведенъ къ Мамаю въ Орду, отпущенъ потомъ Мамаемъ „съ миромъ и тихостію“ (Ник. лѣт. IV, 74), и продолжалъ путь далѣе. Во время этого пребыванія въ Ордѣ и долженъ былъ онъ получить отъ Азіяка или Тулунъ-бека тотъ ярлыкъ, который имѣемъ мы отъ сего хана на имя Михаила какъ митрополита. Ярлыкъ Азиза, о которомъ упоминается въ ярлыкѣ Азіяковомъ, равно какъ и тѣ ярлыки, которые давали, или могли давать, митрополитамъ прочіе ханы отъ Бирдибека до Азіяка и послѣ него, митрополиты могли получать и не ѣздя са-

ми въ Орду, а посылая туда за ними бояръ своихъ или епископовъ, или принимая ихъ отъ ханскихъ пословъ, которые могли привозить ярлыки митрополитамъ, какъ привозили инвеституриые и другіе ярлыки князьямъ нашимъ. Такимъ же образомъ могли получить ярлыки митрополиты Петръ и Алексѣй до хожденія ихъ въ Орду.

Когда же завелось у хановъ это обыкновеніе утверждать митрополитовъ въ ихъ санѣ? Митрополитъ Максимъ есть первый, о хожденіи котораго въ Орду упоминаютъ лѣтописи. Самъ ли онъ, изъ какихъ либо видовъ, вздумалъ первый изъ митрополитовъ ѣхать въ Орду искать добровольно утвержденія отъ Туда-Мангу, и ханы стали послѣ того требовать этого какъ должнаго отъ его преемниковъ, или позвали его туда за этимъ перваго, и по какому поводу—не знаемъ. Г. Наумовъ, неизвѣстно мнѣ на какомъ основаніи, говоритъ утвердительно, что „при Тода-Мангу (въ 1283) постановлено было, чтобы и митрополитъ, яко глава Россійскаго духовенства, являлся въ Орду для испрошенія на свой санъ утвердительной грамоты“ (объ отношеніи Россійскихъ Князей къ Монгольскимъ и Татарскимъ ханамъ. Спб. 1823. стр. 57). Оно могло быть и такъ, могло быть и иначе. Можно было бы даже думать, что право утверждать митрополитовъ присвоено было себѣ ханами вмѣстѣ съ правомъ полнаго владычества надъ Россіею, т. е. при Батыѣ, если бы не противорѣчилъ этому нѣкоторымъ образомъ, подтверждая при

помъ слова Г. Наумова, ярлыкъ Менгу Темира: онъ не имѣетъ, какъ позднѣйшіе, характера инвеституры, что заставляетъ думать, что первый инвеституриый ярлыкъ точно данъ былъ Максиму; ибо ни между Максимомъ и Кирилломъ не было другаго митрополита, ни между Менгу-Темиромъ и Туда-Менгу другаго хана.

Этотъ Менгу-Темировъ ярлыкъ есть древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ. Данъ онъ Менгу-Темиромъ вѣроятно по случаю восшествія его на престолъ, въ 1266 или 1267 году. Почему издатели „Собранія государственныхъ грамотъ“ полагаютъ, что онъ писанъ между 1270 и 1276 годами,—не знаемъ. Неизвѣстно также по чьему ходатайству онъ данъ. Изъ лѣтописей, какъ сказано уже выше, не видно, чтобы Кириллъ ѣздилъ въ Орду, и если это дѣйствительно такъ, то можно думать, что выхлопотать его позаботился тогдашній епископъ Сарайскій Ѳеогностъ, и что Ѳеогностъ же и доставилъ его Кириллу.

Но не Менгу-Темировымъ ярлыкомъ начинается рядъ этого рода актовъ, данныхъ ханами нашему духовенству: ханы давали ихъ и прежде, что видно изъ словъ того же ярлыка: „Чингій Царь потомъ кто ни будетъ дали есмя жалованныя грамоты Русскимъ Митрополитомъ и церковнымъ людемъ .... И какъ первые цари ихъ пожаловали, и мы, Богу молясь, и ихъ грамотъ не изыначивая по томужъ жалуемъ.“ Предшественниками Менгу-Темира были въ восходящемъ порядкѣ: Берге,

R4-51-25

Улагчи, Сартакъ и Баиный. Кто же ходатайствовалъ у нихъ о полученіи ярлыковъ? Вѣроятно тотъ же Ѳеогностъ, епископъ Сарайскій, а до него Митрофанъ, первый епископъ этой епархіи, учрежденной съ 1261 году. Замѣтимъ при этомъ въ заключеніе, что фразу „Чингій царь потомъ кто ни будетъ“ надо понимать такъ: всѣ потомки Чингиса властвовавшіе въ Золотой Ордѣ, а не такъ, будто говорится, что и самъ Чингисъ давалъ ярлыки нашему духовенству: извѣстно, что Чингисъ умеръ въ 1227 году, когда никто въ Россіи не имѣлъ съ нимъ ни какихъ сношеній.

До сихъ поръ мы старались опредѣлить: когда и какъ даны ярлыки, изъ соображенія обстоятельствъ, вѣроятіями, предположеніями. Ближе, казалось бы, искать разрѣшенія этихъ вопросовъ въ самихъ ярлыкахъ: въ каждомъ находимъ означеніе года, мѣсяца и дня, когда онъ писанъ; но въ томъ-то и дѣло, что этимъ хронологическимъ числамъ нельзя много довѣрять: по изслѣдованіи оказываются онѣ не совсѣмъ вѣрными. Постараемся объяснить эти анахронизмы, сколько можемъ.

Аполяковъ ярлыкъ писанъ „овечья лѣта, Дарыка въ семь сотъ осьмое лѣто, Солгапа мѣсяца въ 10 день нова“. Мы разсудили прежде, что онъ долженъ быть данъ въ 1379 году, и точно—осьмой или овечій годъ по Монгольскому и Тибетскому двѣнадцатилѣтнему циклу соотвѣтствуетъ 1379 году нашей эры отъ Р. Х.; но по Мусульманскому лѣточисленію отъ бѣгства Магомешова

онъ совпадаетъ не съ 708, какъ выставлено въ изданіи Новикова и въ „Собраніи Государственныхъ грамотъ,“ и не съ 700, какъ въ Суздальской лѣтописи, а съ 780—781. Эту неправильность считаемъ мы происшедшею просто отъ описки. Хронологическія числа въ ярлыкахъ писаны были прежде вѣроятно Славянскими цифрами, которыя, при неразборчивости письма и не большой внимательности переписчиковъ, легко могли измѣняться подъ перомъ ихъ изъ однѣхъ въ другія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ число ѱ҃ ѵ҃ = 780 очень легко могло быть принято за ѱ҃ и҃ = 708; другой переписчикъ проглядѣлъ цыфру ѵ҃ и оставилъ одно ѱ҃ = 700. — „Солгатъ“ мѣсяцъ есть испорченное названіе одиннадцатаго мусульманскаго мѣсяца ذو القعدة *Дзулькаъде.* — Чтобы понять, что значитъ: „въ 10 день Нова“ надо знать, что дни мѣсяца раздѣляются у Монголовъ на двѣ половины. Начальные 15 называются *шинэ* „новыми“, остальные *хагочинъ* „ветхими“. (См. О Китайскомъ Календарѣ. О. Ковалевскаго. Казань. 1835. стр. 17). По этому „въ 10 день Нова“ значитъ: въ десятый день первой половины мѣсяца. Что же бы такое было слово „Дарыкъ“, встрѣчаемое послѣ „овечья лѣта“, — не могу догадаться. Не могъ объяснить его себѣ и извѣстный монголологъ академикъ Шмидтъ. (Philologisch-Kritische Zugabe u. s. w. s. 26—27).

Означеніе года по мусульманскому лѣточисленію находимъ кромѣ Аттолякова еще въ Бирдибеко-

вомъ ярлыкѣ, т. е. въ двухъ позднѣйшихъ; въ остальныхъ пяти, старѣйшихъ, выставленъ онъ только по двѣнадцатилѣтнему Монгольскому циклу — еще свидѣтельство медленности, съ какою проникались исламизмомъ бытъ и обычаи Золото-ордынскихъ Монголовъ. Этотъ Бирдибековъ ярлыкъ данъ „Тегигуя лѣта, десятаго мѣсяца, въ 10 Нова; Алгата мѣсяца въ семь сотъ осьмое". „Тегигуя", какъ у Новикова и въ „Собр. госуд. грамотъ", или „Тетигуя", какъ въ Суздальской лѣтописи, есть изуродованное Монгольское *Такья* „курица", названіе десятаго года двѣнадцатилѣтняго цикла. Дѣйствительно, 1357 годъ, когда Алексѣй долженъ былъ получить этотъ ярлыкъ, былъ годомъ курицы; но годъ этотъ соотвѣтствуетъ 758 по мусульманскому лѣточисленію отъ гиджры, а въ ярлыкѣ встрѣчаемъ выставленнымъ вмѣсто того 708 годъ, тотъ же что и въ Атюляковомъ! Ошибка явная: здѣсь также ѱ҃ н҃ описка вмѣсто ѱ҃ н҃ н҃. „Алгата мѣсяца", какъ въ „Собр. госуд. грамотъ", „А Льгота мѣсяца", какъ у Новикова, и менѣе не правильно „Салгата мѣсяца", какъ въ Суздальской лѣтописи, — значитъ въ мѣсяцѣ ذو القعدة *Дзулькаъде*, въ томъ же, въ которомъ писанъ и Атюляковъ ярлыкъ. Что значитъ слово „Нова" послѣ означенія мѣсячнаго числа, объяснено выше; мѣсяцы года Монголы считаютъ по порядку, не давая имъ особенныхъ названій, и начиная счетъ съ весны, потому мѣсяцъ дачи Бирдибекова ярлыка и озна-

ченъ въ немъ просто числительнымъ прилагательнымъ „десятый“.

Время дачи Тайдулщаго ярлыка Алексѣю опредѣлено такъ: „Енпя году, Арама мѣсяца, во 2 Вепха“. Въ Суздальской вмѣсто „Енпя“ спопнъ „Сппа“. Надлежало бы думать, что „Енпя“ или „Сппа“ есть названіе одного изъ двѣнадцати годовъ Монгольскаго цикла, также какъ „Тегигуя“ или „Тепигуя“ въ ярлыкѣ Бирдибска; но не только такаго, а даже сколько нибудь похожаго на это названія не находимъ между Монгольскими именами двѣнадцати лѣтъ цикла. Чтожъ бы такое было это „Енпя“ или „Сппа“? Утвердительно разрѣшить не беремся, но вотъ предположеніе: буква ѕ въ Славянскомъ алфавитѣ имѣетъ числительное значеніе 5; буква и=50; буква т=300; а если принять что и есть описка вмѣсто очень похожаго ѯа, которое=1000, то получилось бы число 1355 очень близкое къ 1356 — году дачи ярлыка, какъ выходитъ изъ другихъ соображеній; значило бы, что въ этомъ ярлыкѣ употреблено лѣточисленіе христіанское — дѣло весьма возможное въ Монгольскомъ государствѣ; что переводчикъ ярлыка выразилъ годовое число Славянскими цифрами, а не полною прописью; что Новиковъ и издатели „Государств. грамотъ“ не поняли этого, приняли число за названіе одного изъ 12-ти годовъ Монгольскаго цикла, и такъ напечатали. „Сппа“ Суздальской лѣтописи можно принимать въ такомъ случаѣ за изуродованіе „Енпя“. Одно странно и не клеится

съ этимъ предложеніемъ — что число написано на оборотѣ. Мы не знаемъ примѣровъ такого извращенія, и если можемъ объяснить его чѣмъ-нибудь въ настоящемъ случаѣ, такъ опять предположеніемъ же, что число 1355 выражено было и въ подлинникѣ ярлыка не прописью, а Арабскими буквами въ числительномъ значеніи, которыя пишутся справо на лѣво, и что переводчикъ послѣдовалъ примѣру подлинника. — Все это предположенія на предположеніяхъ и болѣе ничего. Оставляя разрѣшить настоящую загадку болѣе насъ проницательнымъ, мы видимъ себя принужденными довольствоваться покуда, чѣмъ довольствуются въ такихъ случаяхъ мусульманскіе писатели, сознаніемъ, что الله اعلم بغيبه „тайна этаго извѣстна Аллаху лучше всѣхъ“. — Не много болѣе „Ешня“ года знаемъ мы и объ „Арамѣ“ мѣсяцѣ. Такого мѣсяца мы не находимъ ни въ календарѣ мусульманскомъ, ни въ календарѣ Сирійцевъ, ни у Евреевъ, ни у Персовъ, и только благодаря Ербло (Bibl. orient. статья Aram) можемъ сказать вслѣдъ за нимъ, что мѣсяцъ такаго имени есть у Хапайцевъ, познакомившься ближе съ времечисленіемъ которыхъ не позволяетъ намъ отсутствіе нужныхъ для сего источниковъ. „Во 2 Вечха“ значитъ во второй день послѣдней половины мѣсяца, или по нашему просто 17 числа.

Относительно ярлыка отъ Тайдулы Ѳеогносту, издатели „Собранія Госуд. грамотъ“ опредѣлили время дачи онаго около 1333 года, что несправедливо

по тому одному, что онъ данъ въ правленіе Джанибека, а Джанибекъ вступилъ на престолъ не ранѣе 1341 года. Гаммеръ полагаетъ его даннымъ въ 1342 году ; мы высказали выше тоже мнѣніе, но „заячій годъ“, когда онъ писанъ, не совпадаетъ ни съ 1333, ни съ 1342, а съ 1339 и потомъ съ 1351. Шмидтъ, а за нимъ и Гаммеръ выпутываются изъ этаго затрудненія очень просто: вмѣсто „заячьяго“ ставятъ въ ярлыкѣ „лошадинаго“ = 1342, говоря, что такъ должно быть по настоящему. (Gesch. der Gold. Horde. s. 306). Не будучи въ состояніи разрубить этаго узла искуснѣе, мы подписываемъ покуда согласіе подъ опредѣленіемъ двухъ столь достойныхъ уваженія оріенталистовъ; но ни какъ ужъ не можемъ согласиться съ первымъ изъ нихъ, чтобы „Арамъ мѣсяцъ“, когда писанъ этотъ ярлыкъ, также какъ и Тайдулинъ Алексѣю, былъ Мусульманскій محرم Мухарремъ (Philologisch-Kritische Zugabe u s. v. s. 26).

Тайдулинъ ярлыкъ Іонѣ или Ивану данъ: „Свинаго лѣта, осьмаго мѣсяца, въ пятый вѣтха“, какъ въ Суздальской лѣтописи, или“ Винаго лѣта, осьмаго мѣсяца въ 6 Ветха“, какъ у Новикова и въ „Собраніи Госуд. Грамотъ“. „Винаго“ есть явная описка вмѣсто „свинаго“. Отъ вступленія на престолъ Джанибека до кончины Тайдулы свиной годъ приходился только разъ, именно въ 1347 году. Если показаніе года въ этомъ ярлыкѣ справедливо, то можемъ думать, что получателемъ его скорѣе всѣхъ другихъ Іоанновъ, былъ Іоаннъ, поставленный Ос-

отностомъ въ 1346 году въ епископы Ростовскіе (Лѣтописецъ Русской. Ч. II. стр. 111). Варіанты чиселъ 5 и 6 въ означеніи дня писанья ярлыка, свидѣтельствуя въ этомъ случаѣ небрежность переписчиковъ, служатъ въ тоже время подкрѣпленіемъ нашему объясненію анахронизмовъ, встрѣчаемыхъ въ мусульманскихъ датахъ Аѳонолякова и Бирдибекова ярлыковъ.

Въ Узбековомъ ярлыкѣ Петру митрополиту читаемъ, что данъ онъ: „заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, въ 4 день Вѣтха". Карамзинъ, Полевой, издатели „Собр. Госуд. грамотъ", Гаммеръ, Штраль и всѣ другіе, кому случилось упоминать объ этомъ ярлыкѣ, согласны въ томъ, что онъ данъ въ 1313 году; между тѣмъ 1313 годъ былъ не заячій, а телячій (*Укэръ*), заячьимъ же (*Таолай*) во все время митрополитствованія Петра приходится одинъ 1315 годъ—опять анахронизмъ необъяснимый. Объясняя ярлыкъ Бирдибека, мы сказали, что Монголы считаютъ мѣсяцы по порядку, называя ихъ просто первымъ, вторымъ и такъ далѣе до двѣнадцатаго включительно. Здѣсь должно прибавить къ этому, что иногда раздѣляютъ они ихъ по временамъ года, и говорятъ: первый весенній мѣсяцъ, второй весенній, третій весенній, первый лѣтній, второй лѣтній и т. д. (О Китайскомъ календарѣ. О. Ковалевскаго. Казань. 1835. стр. 13). Это раздѣленіе мѣсяцовъ видимъ мы принятымъ и въ Узбековомъ ярлыкѣ. „Первый

осенній“ мѣсяцъ соотвѣтствуетъ нашему сентябрю въ обыкновенныхъ не высокосныхъ годахъ.

Въ Менгу-Темировомъ ярлыкѣ опять находимъ туже дашу, что въ Узбековомъ—„заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, въ 4 день Вепха“. Невозможнаго тутъ, разумѣется, ничего нѣтъ: 19 число перваго осенняго мѣсяца заячьяго года приходилось прежды въ правленіе Узбека, и дважды въ правленіе Менгу-Темира. Странно только, что оба ярлыка даны въ одинъ и тотъ же день, одного и того же мѣсяца, одного и того же циклическаго года. Въ „Менгу-Темировомъ ярлыкѣ дата эта не представляетъ ничего анахроническаго. Въ продолженіе властвованія сего хана, съ 1266 по 1281 годъ, заячье лѣто Монгольское совпадало съ двумя христіанскими годами: 1267 и 1279. По какому бы поводу могъ ярлыкъ этотъ получить существованіе въ 1279 году — не видимъ; въ 1267 могъ онъ быть данъ по случаю Менгу-Темирова вступленія на престолъ, что какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей. Между тѣмъ эта же дата въ Узбековомъ ярлыкѣ вовсе не согласуется со временемъ дачи его, извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ. Что если она не принадлежала первоначально этому ярлыку, а попала въ него какимъ нибудь образомъ изъ Менгу-Темирова?!

Теперь о мѣстностяхъ, въ которыхъ даны ярлыки.

Въ каждомъ ярлыкѣ означено мѣсто его дачи. Всѣ они даны въ ордѣ, т. е. въ мѣстопребываніи

хановъ, но это мѣстопребываніе мѣнялось, орда переходила изъ мѣста въ мѣсто, изъ урочища въ урочище. Эти-то мѣста и урочища и означены въ ярлыкахъ.

Мѣсто дачи Менгу-Темирова ярлыка означено въ немъ такъ: „на Телы“, какъ читаемъ у Новикова и въ „Собраніи государств. грамотъ“, или „на Тали“, какъ въ Суздальской лѣтописи. Что это такое „Телы“ или „Тали“? Тала значитъ по Монгольски „равнина“, „степь“; по этому „на шали“ не значитъ ли: на степи, въ степи, въ такомъ мѣстѣ, которое не имѣло усвоеннаго ему названія? Это объясненіе подтверждается и Узбековымъ ярлыкомъ, въ которомъ читаемъ „на полѣхъ писанъ и данъ“, т. е. на полѣ, на степи. Въ семъ послѣднемъ „шала“ подлинника переведено соотвѣтственнымъ Русскимъ словомъ, а въ Менгу-Темировомъ осталось безъ перевода, бывши принято, можетъ быть, за собственное имя.

Тайдулинъ ярлыкъ Ѳеогносту митрополиту писанъ когда „въ Саргѣ орда кочевала“. Такъ читаемъ у Новикова и въ „Собраніи госуд. грамотъ“. Въ Суздальской вмѣсто „въ Саргѣ“ находимъ „въ Сарае“, и нѣтъ сомнѣнія, что послѣднее чтеніе предпочтительнѣе. Сарай — извѣстная столица хановъ, о которой мы не имѣемъ нужды входить здѣсь въ подробности.

Ярлыкъ Тайдулы митрополиту Алексѣю писанъ, когда „орда кочевала на Гулистанѣ“. Имя Гюлистана گلستان часто встрѣчается на Золото-

ордынскихъ монетахъ. Въ первый разъ находимъ его на монетѣ Тайдулина мужа Джанибека, битой въ 752 году гиджры (1352 по Р. Х.). Въ послѣдній—на монетѣ Азиза, битой въ 767 (1365-6) году. (Монеты Хановъ улуса Джучіева. Стр. 43). Грамота Джанибека Венеціанамъ въ 1347 году, писана также въ Гюлистанѣ. Мѣсто это, по мнѣнію Френа, находилось вблизи Сарая (С. Петербургскія Вѣдомости 1830 г. № 11. Стр. 72).

Гдѣ находится урочище „Желтая трость", въ которомъ кочевала орда, когда писался ярлыкъ Тайдулы Іонѣ или Ивану — не знаю; не знаю также и того, гдѣ должно искать „Каонга", мѣста кочевки орды во время полученія Бирдибскова ярлыка митрополитомъ Алексѣемъ. Трудъ опредѣлить положеніе этихъ урочищъ предоставляемъ другимъ, имѣвшимъ или имѣющимъ возможность познакомиться съ топографіею Кипчакской степи болѣе нашего.

Въ Аѳюляковомъ читаемъ, что „Орда кочевала на великомъ лузѣ на рѣчномъ". Это столько же неопредѣленно, какъ и „на поліихъ" Узбекова. Кто можетъ сказать гдѣ этотъ „великій лугъ" и на какой рѣкѣ — на Волгѣ, на Дону? Развѣ не носило ли какое урочище собственно ему усвоеннаго названія „великаго луга" какъ городъ „Великіе луки" въ Псковской губерніи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Языкъ ярлыковъ.

Какъ дошли до насъ ярлыки, въ подлинникѣ или въ переводѣ, т. е. на какомъ языкѣ писаны были они первоначально въ Ордѣ, на Русскомъ, на которомъ имѣемъ ихъ теперь, или на какомъ другомъ? Утверждаемъ, что въ переводѣ, что первоначально писаны они не на Русскомъ. Странно было бы предполагать, чтобы государственныя бумаги писались въ Ордѣ на Русскомъ, хотябы бумаги эти и назначались для Россіи. Мы знаемъ, что когда Монгольскіе государи сносились съ иноземцами, то письма и грамоты свои къ нимъ писали обыкновенно на Монгольскомъ. Письма Аргуна и Олджайту къ королю Французскому Филиппу прекрасному, дошедшія до насъ въ подлинникахъ, писаны на Монгольскомъ. Грамота, которую Куюкъ послалъ къ папѣ черезъ Плано Карпини—на Монгольскомъ же (34). Другіе памятники сношеній императоровъ

(34) Собр. путеш. къ Татарамъ. Стр. 57. Tartarice значитъ у Плано-Карпини, „по-Монгольски“, а не „по Татарски“ Монголовъ онъ нигдѣ не называетъ Монголами, а всегда Татарами.

и хановъ Монгольскихъ съ папами и государями Европы, дошедшіе до насъ на Латинскомъ языкѣ, обнаруживаютъ, что подлинники ихъ писаны были на этомъ же языкѣ (Абель-Ремюза Mémoires sur les relations etc. passim). Если въ Персіи, подъ владычествомъ Гулагидовъ, многія бумаги писались на Персидскомъ и Арабскомъ, такъ это потому, что Гулагиды жили посреди Персовъ и Арабовъ, что министры и чиновники ихъ были большею частію изъ туземцевъ, что Персидскій, какъ общенародный, и Арабскій, какъ ученый, господствовали даже и при дворѣ ихъ. По тѣмъ же причинамъ употреблялся при дворѣ и въ канцеляріяхъ Кипчакскаго царства Татарскій. Употреблять же Русскій въ сихъ послѣднихъ не было ни какой спаши. Но не на этѣхъ соображеніяхъ основываемъ мы убѣжденіе наше въ переводности ярлыковъ; нѣтъ, доказательства этому находимъ мы преимущественно въ слогѣ и оборотахъ ярлыковъ, обнаруживающихъ въ нихъ не Русское, а Монгольское или Турецкое происхожденіе. Еслибы ярлыки писаны были въ Ордѣ прямо на Русскомъ, словорасположеніе въ нихъ никогда бы не могло проникнуться Монголизмомъ или Татаризмомъ до такой степени, въ какой видимъ это въ нашихъ ярлыкахъ. Это Монголо-Тюркское построеніе періодовъ и расположеніе словъ, столь противуположное духу Семитическихъ и Индо-Германскихъ языковъ, было, между прочимъ, причиною того, что ни Новиковъ, ни издатели „Собранія государственныхъ грамотъ“, не

знакомые, какъ видно, ни съ Монгольскимъ, ни съ Татарскими языками, не могли понять хорошенько, гдѣ начало, гдѣ конецъ періода, и вслѣдствіе этого, своего разстановкою знаковъ препинанія, перепутывали нерѣдко періоды, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затмили даже смыслъ. Синтаксисъ Монгольскаго и Тюркскихъ языковъ требуетъ, чтобы слова въ періодѣ и въ предложеніи располагались въ порядкѣ почти прямо противуположномъ употребительному въ нашемъ и родственныхъ нашему языкахъ. Вставочныя и объяснительныя части предложенія, которыя ставятся въ нашемъ послѣ главныхъ, въ тѣхъ напротивъ помѣщаются спереди. Кромѣ того, по неимѣнію, ни въ Монгольскомъ, ни въ Тюркскихъ соединительнаго союза *что*, фразы, въ которыхъ мы употребляемъ этотъ союзъ, принимаютъ въ нихъ совершенно особенную, имъ только свойственную форму. *Что* замѣняется обыкновенно дѣепричастіемъ настоящимъ или прошедшимъ глагола „говорить“, *кемекю* по Монгольски, *демекъ* по Турецки и по Татарски, и все, что слѣдуетъ у насъ за этимъ „что“, въ тѣхъ языкахъ ставится впереди дѣепричастія „говоря“ или „сказавъ.“ Это самыя характеристическія черты Монгольскаго и Тюркскаго синтаксиса, и мы находимъ рѣзкій отпечатокъ ихъ въ языкѣ разбираемыхъ нами ярлыковъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать, какъ сказали бы мы: „Царь пожаловалъ митрополита Ѳеогноста, далъ ему ярлыкъ съ алою тамгою, на томъ основаніи,

что поповскій чинъ и тѣ, которые зовутся богомольцами, съ давнихъ добрыхъ временъ и доселѣ, не должны платить ни какихъ пошлинъ, ибо они молятся за насъ самому Богу и воздаютъ молитвы за племя наше въ родъ и родъ", Монголы и Татаре дали бы этому періоду совершенно иную форму, именно такую, въ какой находимъ его въ ярлыкѣ Тайдулы Ѳеогносту: „Отъ давнихъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы и весь поповскій чинъ, тѣмъ не падобѣ ни которые пошлины: занеже самому Богу молятся за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ,— такъ молвя (*эйенъ кемень*), Ѳеогноста митрополита Царь пожаловалъ, со алою тамгою ярлыкъ далъ." Такъ, вмѣсто: „И мы повелѣли, чтобы было по прежнему", они сказали бы, какъ сказано въ ярлыкѣ Узбека митрополиту Петру: „Какъ по было прежъ насъ, такъ молвя, и наше слово уставило." Дѣепричастія, употребительнѣйшая форма глаголовъ въ Монгольскихъ и Тюркскихъ языкахъ, встрѣчаются въ большомъ числѣ и въ ярлыкахъ, тогда какъ въ современныхъ актахъ, писанныхъ въ Россіи, попадаются они очень рѣдко. Выраженія: „ходить правымъ путемъ"; „управлять" или „молить правымъ сердцемъ и правою мыслію"; „а отъ насъ будетъ не кротко"; наше око тихо не смопритъ"; „ѣстъ одинъ хлѣбъ" вмѣсто: „жить вмѣстѣ", и другія, встрѣчающіяся въ ярлыкахъ — вовсе не Русскія, а чистые Татаризмы, и Татаризмы не встрѣчающіеся притомъ въ

современныхъ актахъ и лѣтописяхъ. Мы не приводимъ Татарской формы ярлыковъ въ доказательство утверждаемаго нами; она, по мнѣнію нашему, не можетъ служить тутъ доказательствомъ: если бы ярлыки писались въ Ордѣ и прямо по Русски, это не мѣшало бы излагать содержаніе ихъ въ формахъ, принятыхъ для подобныхъ жалованныхъ грамотъ въ Монгольскомъ или Татарскомъ языкѣ, слѣдовать въ расположеніи частей ярлыка порядку, соблюдавшемуся и утвержденному временемъ и употребленіемъ въ Монгольскихъ канцеляріяхъ; но языкъ, языкъ ярлыковъ свидѣтельствуетъ, что они переводы. Съ какаго же — съ Монгольскаго или съ Татарскаго? Этого нельзя рѣшить филологически: духъ, конструкція, обороты обоихъ этихъ языковъ чрезвычайно сходны, даже теперь, черезъ 500 лѣтъ послѣ того, какъ писаны ярлыки. Въ Ордынскихъ канцеляріяхъ, безъ сомнѣнія, употреблялись оба, хотя покуда не извѣстно еще ни одного акта изъ Золотой Орды, который былъ бы писанъ на Монгольскомъ; потому ярлыки наши могли быть писаны и на томъ и на другомъ. Но такъ какъ Монгольскій языкъ постепенно выходилъ изъ употребленія въ Ордѣ, а наконецъ и совсѣмъ былъ забытъ отатарившимися Монголами, то изъ этого можно заключать съ большою вѣроятностію, что древнѣйшіе ярлыки писаны были на Монгольскомъ, а позднѣйшіе на Татарскомъ.

Рѣшивъ, что мы имѣемъ ярлыки въ переводахъ, надо узнать еще: какіе это переводы, современные подлинникамъ, или позднѣйшіе? Судя по словамъ автора приписки къ ярлыкамъ, находимой въ Новиковскомъ изданіи, автора, жившаго уже при Царяхъ: „Мнози же суть отъ первыхъ и давныхъ иные велицы ярлыцы суть, но инымъ не возмогохомъ превесши, зане неудобь познаваемою рѣчью писаны быша“, надлежитъ думать, что позднѣйшіе. Поводомъ къ переводу, какъ замѣчаетъ Полевой, могло послужить какое-нибудь ограниченіе правъ духовенства, какъ, напримѣръ, на соборахъ, бывшихъ въ 1500 или въ 1580 году. Но должно сказать и то, что мнѣніе о несовременности перевода съ подлинниками основывается единственно на этой припискѣ, о которой не знаемъ, ни откуда она взята, ни кто такой ея авторъ. Не будь этой приписки, мы бы стали доказывать, что переводы, въ которыхъ имѣемъ ярлыки, современны подлинникамъ. Въ ханскомъ диванѣ необходимо должны были находиться люди, знавшіе Русскую грамоту, и служившіе какъ для изустныхъ переговоровъ съ Русскими князьями, боярами и духовными, когда эти не знали по Татарски, и не могли объясняться съ ханами и ихъ чиновниками прямо, безъ посредства переводчиковъ, такъ и для переводовъ разныхъ бумагъ съ Татарскаго на Русскій или съ Русскаго на Татарскій. Князья наши также, имѣя сомнѣнія, держали при себѣ въ Россіи людей знавшихъ Татарскую грамоту: частныя сношенія съ

Татарами дѣлали это необходимымъ. Были такіе переводчики, вѣроятно, и при митрополитахъ. Въ то время не трудно было имѣть ихъ: въ Ордѣ всегда было много нашихъ соотечественниковъ, которые не наѣздомъ пріѣзжали туда, а жили тамъ постоянно, слѣдовательно необходимо должны были знать языкъ, которымъ говорили въ ней. Мы имѣемъ на это очень ранніе свидѣтельства. Когда, въ 1246 году, Плано Карпини привезъ къ Батыю папскую грамоту, писанную на Латинскомъ, ему дали толмачей для перевода ея на Татарскій (т. е. Монгольскій); но такъ какъ между ними не нашлось людей, которые понимали бы вмѣстѣ и по Латыни и по Татарски, то ее перевели сначала на Русскій, а потомъ на Арабскій и Татарскій (35). Стало быть уже при Батыѣ были въ Ордѣ переводчики, знавшіе по Русски. Мало того, они были въ это время даже въ Великой Ордѣ, въ глубинѣ Монголіи. Когда императору Куюку надо было писать отвѣтную грамоту на письмо папы, привезенное ему Плано Карпини, у сего послѣдняго спрашивали: есть ли у папы люди, которые разумѣли бы Русское, Сарацинское или Татарское письмо (Собр. путеш. къ Татарамъ. Стр. 55), — вопросъ, показывающій, что въ Великой Ордѣ была тогда возможность написать грамоту на Русскомъ языкѣ.

(35) In litera Ruthenica, Saracenica et in Tartarica diligenter cum ipsis transtulimus. Собр. Пут. къ Татарамъ. стр. 20. Далѣе (стр. 214) Плано-Карпини говоритъ, что Русскимъ переводчикомъ его былъ Суздалецъ (Russien de Susdal).

Далѣе Карпини именно говоритъ, что какъ при сношеніяхъ съ самимъ Куюкомъ, такъ и для перевода грамоты сего императора къ папѣ, толмачомъ имъ служилъ дворянинъ одного Русскаго герцога, умершаго въ Ордѣ, по имени Темерь (Ibid. 214). Современные переводы ярлыковъ необходимо должны были существовать; если не въ Ордѣ переводили ихъ на Русскій, такъ переводили тотчасъ же по доставленіи въ Россію. Безъ перевода не могли они оставаться: ихъ для всеобщаго свѣденія должно было сообщать на прочтеніе въ церкви и монастыри, какъ видно это изъ словъ Менгу-Темирова ярлыка: „И сію грамоту видяще и слышаще попове и черницы, ни дани, ни иного чего не даютъ". Въ Узбековомъ говорится тоже самое; а не льзя же думать, что бы все духовенство въ Россіи знало по Монгольски или по Татарски. Въ современныхъ же переводахъ дошли можетъ быть ярлыки и до нашего времени, ибо слова вышеупомянутой переписки, на которыхъ основывается противное мнѣніе, можно толковать различно. Предложеніе: „Мнози же суть иные великіе ярлыци" и пр. предшествуетъ въ ней другое: „Елико же обрѣтохомъ во святѣйшей Митрополіи старыхъ Царей Ярлыки, сихъ и написахомъ". *Написать* значитъ иногда въ старинномъ языкѣ нашемъ *сочинить*, чаще *переписать*; но я не знаю, чтобы оно значило когда нибудь — *переводить*; по тому, предложеніе это, въ связи съ послѣдующимъ за нимъ, можно понимать и такъ: »Сколько нашелъ

я во св. митрополіи ярлыковъ на Русскомъ языкѣ, сколько и переписалъ, столько и помѣстилъ (въ эту лѣтопись, въ этотъ сборникъ); есть тамъ еще много другихъ, на непонятномъ для меня языкѣ; тѣхъ я не могъ перевести". Да и самое „перевести" можно понимать въ смыслѣ *приводить*, citer, а не *переводить*, traduire. „Неудобь познаваемою рѣчью" также можетъ значить „старинымъ языкомъ" или „неразборчивымъ почеркомъ". При такомъ толкованіи, помянутыя предложенія имѣли бы слѣдующій смыслъ: „Сколько я нашелъ ярлыковъ, писанныхъ понятно, столько и помѣстилъ ихъ здѣсь. Есть еще много другихъ, да тѣхъ я не помѣстилъ, потому что не могъ разобрать, не могъ прочесть". Впрочемъ, все это тонкости. Покуда какое нибудь обстоятельство не объяснитъ дѣла болѣе, мы готовы принять, что древніе переводы ярлыковъ, переводы современные, утратились, ходя по монастырямъ и церквамъ, а въ архивахъ митрополіи сохранились только подлинники, съ которыхъ, въ XVI столѣтіи, и сдѣланы тѣ переводы, которые мы теперь имѣемъ. Историческое достоинство ярлыковъ зависитъ не отъ того, когда они переведены съ подлинниковъ, въ XIII, XIV, XV или XVI столѣтіяхъ, а отъ того, вѣренъ переводъ или нѣтъ. Вотъ вопросъ, который важно рѣшить.

Подлинниковъ у насъ нѣтъ, — какъ же рѣшить его? Такъ, изъ соображенія обстоятельствъ. Какая нужда была переводить не вѣрно, измѣнять

смыслъ? Ни какой: въ ярлыкахъ все было въ пользу духовенства, ничего противъ его выгодъ, или противъ нашей религіи. Мы видѣли, какъ самый слогъ ярлыковъ доказываетъ, что они переведены буквально. Вся невѣрность, какая можетъ быть въ нихъ, состоитъ развѣ въ томъ, что переводчикъ или переводчики могли придать Монгольскимъ или Татарскимъ выраженіямъ нѣсколько христіанскій цвѣтъ, чтобы сдѣлать ихъ понятнѣе для единовѣрцевъ, ввести незначительныя вставки, позволить себѣ небольшія амплификаціи. Такъ, на примѣръ, можно думать, что тогда, какъ въ ярлыкѣ Узбековомъ, было просто:

„Вѣчнаго Бога (или неба) силою“ ,—

переводчикъ амплифировалъ эту фразу такимъ образомъ:

„Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ“.

Что тогда, какъ Менгу-Темировъ ярлыкъ начинался просто:

„Вышняго Бога силою“,—

переводчикъ вставилъ вслѣдъ за тѣмъ:

„И вышняя Троицы волею“.

Что когда въ Бирдибековомъ сказано было только:

„Да будетъ тому худо“,—

переводчикъ замѣнилъ это выраженіе болѣе христіанскимъ:

„Во грѣсѣхъ да будетъ“.

Такія амплификаціи, вставки и измѣненія, если и дѣйствительно имѣли мѣсто,—чего еще не льзя доказать несомнѣнно, — не важны въ отношеніи къ сущности дѣла; потому я рѣшительно держусь того мнѣнія, что имѣющіеся въ рукахъ нашихъ Русскіе ярлыки — переведены съ подлинниковъ вѣрно.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Содержаніе ярлыковъ, очень выгодное для нашего духовенства, противорѣчіемъ своимъ съ существующимъ мнѣніемъ о ревностномъ исламизмѣ Золото-ордынскихъ хановъ, и нѣкоторыми показаніями нашихъ лѣтописей, могло подавать поводъ подозрѣвать эти акты въ подложности, и предполагать подлогъ дѣломъ духовенства. Мы доказали невозможность подлога съ этой стороны, обнаружили ложность помянутаго мнѣнія, представили въ настоящемъ свѣтѣ сказанія лѣтописей. Въ числѣ лицъ, давшихъ и получившихъ ярлыки, было два, существованіе которыхъ могло казаться сомнительнымъ. Мы объяснили кто такое было одно изъ нихъ, кѣмъ могло быть другое. Нѣкоторые ярлыки возбуждали подозрѣніе ложностію своихъ датъ. Мы старались объяснить какимъ образомъ могли произойти эти анахронизмы. Существовало мнѣніе, умеьшавшее цѣнность ярлыковъ какъ источниковъ, — что содержаніе ихъ передѣлано или измѣнено переводчиками. Мы показали, что нѣтъ достаточныхъ причинъ предполагать передѣлку или невѣрность перевода. Вообще мы старались разрѣшить всѣ вопросы, уничтожить

всѣ недоразумѣнія, которыя могли возникнуть при чтеніи ярлыковъ, и навести на достовѣрность ихъ хотя малѣйшую тѣнь сомнѣнія. Надѣемся, что послѣ всего сказаннаго и доказаннаго, сомнѣнія эти будутъ уже неумѣстны, и авторитетъ Карамзинскихъ подозрѣній не станетъ мѣшать никому употреблять ярлыки въ дѣло, какъ источники.

Въ заключеніе нашихъ изслѣдованій предлагаемъ объясненіе еще одного вопроса: почему дошло до насъ нѣсколько ярлыковъ, данныхъ ханами митрополитамъ, а не дошло ни одного изъ данныхъ ими князьямъ нашимъ, великимъ и удѣльнымъ, тогда, какъ послѣднихъ дано было по всей вѣроятности болѣе, чѣмъ первыхъ? Что касается до князей удѣльныхъ, то, судя по тому, что читаемъ въ договорныхъ грамотахъ князя Суздальскаго Ивана Васильевича съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ, (см. выше, стр. 14), надо думать, что удѣльные князья передали всѣ ярлыки свои великимъ, какъ знакъ покорности имъ, и отрѣченія отъ самовластія; а великимъ князьямъ къ чему было беречь ихъ?—Очень вѣроятно, даже, что они старались уничтожать ихъ поскорѣе, какъ свидѣтельства, могшія напоминать потомкамъ удѣльныхъ князей такія вещи, которыя имъ надлежало забыть совершенно. Великокняжескіе же ярлыки могли утратиться сами собою, какъ акты отжившіе вѣкъ и потерявшіе цѣнность, какъ ни къ чему болѣе ненужные памятники тягостнаго рабства. Мало ли чего, гораздо болѣе драгоцѣннаго, погибло во время пожаровъ и другихъ бѣд-

ствій. Духовенство напротивъ того, видѣло свою пользу въ сбереженіи ярлыковъ: они сохраняли для него часть своей цѣны и по паденіи Татарскаго владычества, ибо всегда могли служить упрекомъ пѣмъ царямъ, которые бы вздумали ограничивать его права, уменьшать привиллегіи; что это не только могло быть, но и дѣйствительно было такъ, свидѣтельствуютъ слова Симонова посланія къ Іоанну III, по случаю собора въ 1500 году (см. выше стр. 30). Да и для лѣтописцевъ, людей духовнаго званія, ярлыки митрополичьи были несравненно интереснѣе княжескихъ, потому и въ лѣтописи могли попасть скорѣе, чѣмъ сіи послѣдніе.

Ярлыки, сирѣчь жалованныя грамоты, иже давали первые Цари Ординскіе, и сущіи по нихъ вси, святѣйшимъ преосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руссіи, легость церковнымъ домомъ и людемъ православнымъ.

Въ лѣто 6721 (1213) поиде во Орду Петръ Митрополитъ Кіевскій и всея Руссіи, вкупѣ съ великимъ Княземъ Михайломъ Ярославичемъ Тферскимъ, обиды ради церковныхъ отъ лукавыхъ человѣкъ судовъ, и управленій, и пошлинъ, и уроковъ, и даней, имѣній, и стяжаній людей всего причта церковнаго, и о всѣхъ десятинахъ Митрополичьихъ. Да и того ради, чтобъ напередъ быти у Царя Нѣмецкихъ пословъ, и Бискупа Матѳея Папы Римскаго; да и того ради понеже тогда во Ордѣ Царь Батый умеръ, а новый Царь Язбякъ сѣлъ на царство, и вся обновишася отъ многихъ царствъ и отъ многихъ великихъ княженій, и отъ многихъ странъ вси приходили въ Орду къ Царемъ, и ярлыки имали, кождо на свое имя. И вси великіе Князи Русскіе и Митрополиты, и Епископы Русскіе, ярлыки имали, кождой на свое имя. Но милостію Божію, Петръ Митрополитъ, во Ордѣ у Царя былъ въ велицей чести, и отпущенъ былъ отъ Царя въ борзѣ со многою честію и управою, и съ ярлыки и съ Дефтери; и прiиде въ свою Митрополію на Русь; и вси православные Христіане срѣтоша его со многою радостію.

ПЕРВЫЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ Азбяка Царя, Петру Митрополиту, всея Руссіи чюдотворцу.

Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ и милостію его многою. Азбяково (1) слово. Всѣмъ нашимъ Княземъ великимъ и среднимъ и нижнимъ, и сильнымъ Воеводамъ и Вельможамъ, и Княземъ нашимъ удѣльнымъ, и Дорогамъ славнымъ, и Польскимъ (2) Княземъ высокимъ и нижнимъ, и Книжникомъ, Уставодержальникомъ (3), и учительнымъ людскимъ (4) Повѣстникомъ, и Сбирателемъ и Баскакомъ, и Посломъ нашимъ и Гонцомъ, и Данщикомъ, и Писцомъ, и мимоѣздящимъ Посломъ, и Ловцомъ нашимъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и всѣмъ людямъ, высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто же обидитъ на Руси соборную церковь Митрополита Петра, и его людей и церковныхъ его; да никто

ВАРІАНТЫ.

(Буквы Г. Г. означаютъ „Собраніе Государственныхъ грамотъ; буквы С. Л. — „Суздальскую лѣтопись“; буквы Р. Л. — „Ростовскую“. (1) Азбяково. Г. Г. и Р. Л. (2) полчнымъ. Р. Л. (3) Книжникомъ и Уставодержальникомъ. ГГ. и Р. Л. (4) Учительнымъ и людскимъ.

же взимаетъ (5) ни (6) стяжаній, ни имѣній (7), ни людей (8). А знаетъ Петръ Митрополитъ въ правду, и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни будь: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ шашьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ (9) Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покорюятся и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по (10) первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотъ (11) и Дефтеремъ. Да не вступаются въ церковное и (12) Митрополиче никто же, занеже то Божіе все суть (13); а кто вступится а нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ (14), тотъ есть Богу повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная. А Митрополитъ правымъ путемъ ходитъ, да (15) правымъ путемъ пребываетъ и спѣшится (16), да правымъ сердцемъ и правою мыслію вся своя церковная управляетъ (17) и судитъ и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая дѣяти (18) и управляти. А намъ въ то не вступатися ни во что, ни (19) дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ Княземъ

Р. Л. (5) Възимаютъ. Р. Л. (6) ни deest. Р. Л. (7) имѣніемъ. Р. Л. (8) людемъ. Р. Л. (9) самъ deest Р. Л. (10) по deest. ГГ. (11) Грамотамъ. ГГ. и Р. Л. (12) и deest. Р. Л. (13) есть все. Р. Л. (14) преступитъ. Р. Л. (15) правымъ путемъ ходитъ да deest. Р. Л. (16) тѣшится. Г. Г. и Р. Л. (17) устроляетъ. Р. Л. (18) вѣдати. Р. Л. (19) и. Р. Л.

нашего царства и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто же, ни чемъ, въ церковныя и въ Митрополичи, ни въ волости ихъ (20), и (21) въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ улусы (22) ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во ограды (23), ни въ волостныя мѣста ихъ, ни винограды ихъ, ни въ мѣльницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конныя, ни во всякія скотскія стада (24), но (25) вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя, и люди ихъ (26), и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые опъ начала ихъ—то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому прикажетъ (27); да не будетъ ничто же перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено; да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кротком житіи безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены (28), и за наши дѣти, и за наши племя. И (29) мы бо такоже управляемъ и жалуемъ, якоже и прежніе Цари Ярлыки имъ давали и жаловали ихъ; а мы, по тому жъ пути, тѣмижъ Ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ (30); а мы Божія брежемъ, и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взи-

---

(20) ихъ deest. Р. Л. (21) ни. Г. Г. и Р. Л. (22) луга. Р. Л. (23) ограды ихъ. Г Г. грады Р. Л. (24) стада ихъ. Р. Л. (25) ни въ. Р. Л. (26) ихъ deest.. Р. Л. (27). да прикажетъ. Р. Л. (28) и за наши жены deest. Р. Л (29) и deest. Р. Л. (30) заступитъ deest. Р. Л.

маетъ Божія, и тотъ будетъ Богу (31) повиненъ; а гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью; да то видя, и иныя въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши Баскаки, и Таможники, Данщики, Поборщики, Писцы, — по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило и уставило (32), да всѣ будутъ цѣлы соборные (33) церкви Митрополичи, ни кѣмъ, ни отъ кого не изобижены вся его люди и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ (34): Архимандриты, и Игумены, и Попы, и вся причты церковныя, ни чѣмъ ни кто да не будетъ изобиженъ. Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли, ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, война ли (35), ловитва ли коя ни буди наша; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати, а отъ соборныя церкви и отъ (36) Петра Митрополита ни кто же да (37) не взимаетъ, и отъ ихъ (38) людей и отъ всего его причта: тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ; кто бо того и прежъ насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ. И мы, Богу моляся, по первымъ (39) же (40) царей грамотамъ, грамоты

(31) Богу deest. Р. Л. (32) и уставило deest Р. Л. (33) всѣ соборные. Р. Л. (34) имѣетъ и Г. Г. и Р. Л. (35) война ли deest. Р. Л. (36) и отъ deest. Р. Л. (37) да deest. Р. Л. (38) всѣхъ. Р. Л. (39) первыхъ. Г. Г. и Р. Л. (40) же deest. Р. Л.

имъ давали жалованныя (41), а не изыначивали (42) ни въ чемъ. Какъ то было прежъ насъ, такъ молвя, и наше слово уставило. По первому пути которая дань наша будетъ, или запросы наши пакиемъ, или поплужное, или Послы наши будутъ, или кормы наши и (43) коней нашихъ, или подводы, или кормъ Пословъ нашихъ, или нашихъ Царицъ, или нашихъ дѣтей, и кто ни есть, и кто ни будь, да не взимаютъ, да не просятъ ничто же; а что возмутъ, и они отдадутъ назадъ шрепицею, аще (44) будетъ взяли за нужду великую; а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ. А что будутъ церковныя люди, ремесленицы кои, или Писцы, или каменные здатели, или древянные (45), или иные мастеры каковы ни буди, или Ловцы какова лова ни буди, или Сокольницы, а въ то наши никто не (46) вступаются и на наше дѣло да (47) не емлютъ ихъ; и Пардусницы наши, и Ловцы наши, и Сокольницы наши, и Побережницы наши да не вступаются въ нихъ, и да не взимаютъ у нихъ (48) ихъ (49) дѣльныхъ орудій (50), да не отнимаютъ ничего же. А что законъ ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри, и часовни ихъ, ничемъ (51) да не вредятъ ихъ, ни

---

(41) жалованые. Г. Г. (42) изыначиваемъ. Р. Л. (43) или Р. Л. (44) и аще. Р. Л. (45) древодѣлные. Р. Л. (46) да не. Р. Л. (47) да deest. Р. Л. (48) *вмѣсто:* у нихъ — ихъ. Р. Л. (49) ни у нихъ. Р. Л. (50) дѣльныхъ ихъ орудій. Р. Л. (51) ничемъ deest. Р. Л.

хулятъ (52); а кто учнетъ вѣру хулити или осужати (53), и тотъ человѣкъ не извинится ни чимъ же и умретъ злою смертію. А что Попы и Дьяконы ихъ, единъ хлѣбъ ядятъ (54), и во едином дому живутъ (55), у кого братъ или сынъ, и тѣмъ, по томужъ пути, наше жалованье (56); ожъ (57) кто будетъ отъ нихъ не выступилъ, а Митрополиту не служитъ, а живетъ тотъ себѣ именемъ поповскимъ, да не отымается (58), но даетъ дань. А Попы, и Дьяконы, и причты церковные пожалованы отъ насъ по первой нашей грамотѣ, и стоятъ молящеся за насъ Богу правымъ сердцемъ и правою мыслію; а кто учнетъ не правымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, то (59) грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ Попъ, или Діаконъ, или Причетникъ церковный (60), или Людинъ (61), кто ни буде, отикуду ни есть, Митрополиту похотятъ служити и о насъ Бога молити, что будетъ о нихъ у Митрополита въ мысли, то вѣдаетъ Митрополитъ. Такъ слово наше учинило, и дали есмя Петру Митрополиту грамоту сію крѣпости ему для, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и всѣ церкви, и всѣ монастыри, и всѣ причты церковные, да не преслушаютъ его ни въ чѣмъ, но послушни ему будутъ, по ихъ

(52) хулятъ ихъ. Р. Л. (53) вѣру осужати ихъ и хулити Р. Л. (54) ядуще. Р. Л. (55) живуще. Р. Л. (56) пожалованіе. Р. Л. (57) еже. Р. Л. (58) отъімаетца. Г Г. отнимается. Р. Л. (59) тотъ. Г. Г. (60) или церковные. Р. Л. (61) иные люди. Р. Л.

закону и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ. А кто вступится въ церковное и въ Митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій, а по нашему великому истязанію (62) не извинится ничимъ же, и умретъ злою казнью (63). Такъ ярлыкъ данъ (64). Такъ молвя, слово наше учинило. Таковою (65) крѣпостію утвердило Заечьего лѣта, осѣньняго (66) перваго мѣсяца 4 Вепха. На поліихъ писанъ (67) и данъ.

ВТОРЫЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ Атюляка Царя Михаилу Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи.

Безсмертнаго Бога силою и величествомъ. Изъ дѣдъ и (68) изъ прадѣдъ, отъ первыхъ Царей и отъ (69) отецъ нашихъ, Атюлякъ Царь слово рекъ (70), Момаевою (71) мыслію дядиною. Ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и рапнымъ Княземъ, и Волостнымъ дорогамъ и Княземъ, и Писцемъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Буралож-

(62) великому наказанію и Р. Л. (63) злою смертною казнью. Р. Л. (64) нашъ. Р. Л. (65) таковою данною. Р. Л. (66) асеняго. Г. Г. (67) на Полiихъ писана и дана. Г. Г. на поляхъ писана и дана. Р. Л. (68) и deest. Г. Г. (69) отъ deest. Г. Г. (70) *вмѣсто*: Атюлякъ Царь слово рекъ — Тютяково слово. С. Л. (71) Мамаевою. Г. Г.

никомъ, и Сошникомъ, и Заставщикомъ, и Лодейникомъ, или кто на каково дѣло ни пойдетъ, и многимъ людемъ. Опъ первыхъ Царей при (72) Чингисъ Царь, и по немъ иные Цари, Азизъ и Бердебекъ, и тіи жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молились. И весь чинъ поповскій, и всіи церковніи люди, не токмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы (73), или работы, или сторожа (74), или кормы, — ино тѣмъ церковнымъ людемъ ни видѣти, ни слышати того не надобь, чтобъ во упокои Бога молили, и молитву за нихъ воздавали къ Богу. Да и по ихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ, Ярлыки подавали. И нынѣ мы, по первомъ Ярлыкомъ изыскавши, и удумавши, и думавъ (75), не изыначиваемъ первыхъ Ярлыковъ, потомужъ сего Митрополита Михаила пожаловали есмя. И онъ, какъ сядетъ на своемъ столѣ, молитъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаетъ. И тако есмя его пожаловали, что не надобь ему, ни его людемъ, ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ, Попомъ, и Черицомъ, и Бѣльцомъ, и ихъ людемъ, опъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздаютъ никакова, ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни помники, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни въѣздное, ни мимо-

(72) преже. Г. Г. (73) или заказы или служба. Г. Г.
(74) сторожи. Г. Г. (75) и думавъ deest. Г. Г.

ходное на дорозѣ Послу, ни Басмаку (76), ни которому моему пошлиннику; или что церковные домы, воды, земли, огороды, винограды, мельницы, стада конскіе, скотъ (77) и (78) овчіи, или что ни буди ихъ, въ то ся у нихъ не вступаетъ никто, ни насилья да не творятъ имъ никакова; а кто будетъ взялъ не вѣдая, и онъ отдастъ безпосудно (79). А въ церковныхъ домѣхъ ни стати никому, не рушити ихъ; а кто ся станетъ ставити въ церковныхъ домѣхъ, или рушити ихъ, и тѣ люди отъ Бога во грѣсѣхъ будутъ; а намъ ся на кого пожалуютъ тѣ церковные люди, и тотъ (80) отъ насъ не живота казнью казненъ будетъ; а кого нашихъОсловъ или Пошлинниковъ убіютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому шелсватнѣ (81); а кого нашъ убіетъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ. И ты Михайло Митрополитъ возмолвишь, что такъ есмь пожаловалъ (82), да тѣмъ домомъ церковнымъ, или землямъ, или водамъ, и въ огородѣхъ и въ виноградѣхъ, или надъ людми своими что учинишь чрезъ пошлину, ино то на тобѣ (83). Или кто учинитъ тапьбу, или ложь, или иное какое злое дѣло, а не имешь того смотрити, или слуги твои почнутъ какову нужу церковнымъ людемъ твоимъ (84) творити, ино

(76) Баскаку. Г. Г. (77) скоты. Г. Г. (78) и deest. Г. Г. (79) безпосудно. Г. Г. (80) и то. Г. Г. (81) телева нѣтъ Г. Г. (82) пожалованъ. Г. Г. (83) на тебѣ взыщется. С. Л. (84) твоимъ deest. Г. Г.

по на тобѣ; и ты самъ вѣдаешь каковъ отвѣтъ Богу за то воздати, и тотъ грѣхъ на тобѣ, а мы о томъ ничто же не имѣемъ; но за насъ къ Богу молитвы воздавай, дабы церковные люди во упокой за насъ молилися, понеже ты преже, а они потомъ; а мы о томъ ничего не молвимъ. Такъ рѣкши, утвердихомъ со алою тамгою Ярлыкъ. Дали есмя овечья лѣта, Дарыка въ семь сотъ осьмое (85) лѣто, Солгата (86) мѣсяца, въ 10 день Пова. На великомъ лузѣ на рѣчномъ (87) Орда кочевала. Написано.

ТРЕТІЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ дала Тайдула Царица Іонѣ Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи.

Тайдулино слово. Гдѣ сей Іона (88) Митрополитъ молебникъ за насъ молится, отъ первыхъ добрыхъ временъ и доселѣ, такожъ и иные церковные молебницы, ино не надобе имъ мзда, ни которая пошлина, и не емлютъ у нихъ ничего, занеже они молитву за насъ творятъ къ Богу. И что есмя молвили, и то бы есте всѣ вѣдали. Или что въ городѣхъ какія пошлины, или какое дѣло, или насилье будетъ имъ отъ кого, а тобѣ пожалуются, и ты слово ихъ выслушай, и дѣло ихъ по правдѣ прави. Или паки кто на кого предъ самымъ тобою

(85) вседмьсотое. С. Л. (86) Салгата. С. Л. (87) нареченномъ. С. Л. (88) Иванъ. С. Л.

слово молвишъ, и ты бы силы не учинилъ ни которыя, по опыпай иныхъ людей, дабы во упокой были, и о насъ молились. И вы Русскіе все Митрополиты, какъ было прежъ сего при первыхъ Царяхъ, кои дѣлали дѣла, и нынѣ такожъ дѣлали (89). Такъ молвя, грамоту (90) дали есмя. Виняго (91) лѣта, осмого мѣсяца, въ 6 Вѣтха (92). На желтой просши Орда кочевала. Писано (93).

ЧЕТВЕРТЫЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ дала Зенебекова Царица тажъ Тайдула Ѳеогносту Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи.

По Зенебекову (94) Ярлыку (95), Тайдулино слово. Ординскимъ (96) улуснымъ Княземъ, и Волостнымъ и огородныимъ (97) и сельскимъ дорогамъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, или кшо на каково дѣло поидетъ, ко всемъ Пошлинникомъ. Опъ давныхъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы, и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины, занеже самому Богу моляпся (98) за насъ и за наше

---

(89) *вмѣсто*: И вы Русскіе ····такожъ дѣлали,—а вы Русскіе князи Семеномъ поченъ всѣми Митрополиты, какъ напередъ сего, кои дѣла дѣлали, а нынѣча такъ же дѣлаютъ. С. Л. (90) сеишенемъ грамоту. С. Л. (91) Свиного. С. Л. (92) Въ пятый вѣтха. С. Л. (93) Написано. С. Л. (94) Чанибѣкову. С. Л. (95) слову. С. Л. (96) Тапарскимъ. С. Л. (97) городнымъ. С. Л. (98) молится. Г. Г.

племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ, такъ молвя, Θеогноста Митрополита Царь пожаловалъ, со алою тамгою Ярлыкъ (99) далъ. И мы, первыхъ Ярлыковъ не изыноча, такожъ молвя, Θеогносту Митрополиту съ нишенемъ (100) грамоту дали есмя. И какъ онъ сѣлъ въ Володимерѣ, молится за Зенебека Царя, и за наши дѣти молитву воздаетъ; и (101) пошлина ему не надобе, ни подводы, ни кормъ, ни запросъ, ни каковъ даръ, ни почестье не воздаетъ никакова, ни люди его. А Земли его, и воды, ни огородовъ (102), ни мельницъ, и что ни будетъ церковное, кто ни будетъ нашихъ, не замаютъ, ни силы не творятъ надъ ними, ни истомы никакой, и не отнимаютъ у нихъ ничего. Или гдѣ станутъ, да не емлютъ у нихъ ничего, такъ есмя молвили. А кто паки безпутно силу учинитъ какову, или пошлину замыслитъ, тотъ смертію умретъ. И ты Θеогностъ Митрополитъ возмолвишь, что такъ есми пожалованъ. А которые къ тебѣ не причастни огороды, виноградъ, воды, земли, а надъ тѣми какову неправду учинишъ, и ты самъ вѣдаешь каковъ отвѣтъ даси Богу, и тотъ грѣхъ на тебѣ. А за насъ молитву воздавай Богу. Тако молвя, на утвержденіе нынѣшнюю (103) грамоту дали есмя. Заячьяго лѣта, Арама мѣсяца, въ 8 день нова. Въ Саргѣ (104) Орда кочевала. Написано. А жалобу положилъ

(99) ерлыки. С. Л. (100) мишенемъ. Г. Г. (101) а. Г. Г. (102) ни огородовъ, ни виноградовъ. Г. Г. (103) мишенную. Г. Г. (104) Сарае. С. Л.

Тайобога (105). Айхоча (106), Мухнаръ, Учагуи, Каранчiи (107), писали (108).

ПЯТЫЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ далъ Менгу темиръ Оксанъ Царь, Русскимъ Митрополитомъ, безымянно всѣмъ церковнымъ людемъ.

Вышняго Бога силою, и вышняя Троицы волею, Менгутемирово (109) слово. Людскимъ Баскакомъ и Княземъ, и полководнымъ (110) Княземъ, и Данщикомъ и Писцомъ, и мимоѣздящимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Бураложникомъ, и всѣмъ Пошлинникомъ. Чингiй (111) Царь пошомъ кто ни будетъ, дали есмя жалованныя грамоты Русскимъ Митрополитомъ и церковнымъ людемъ, тако молвячи, чтобъ есте и послѣдніе Цари, по томужъ пути, пожаловали Поповъ, и Черицовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, да правымъ сердцемъ моляшъ за насъ Бога, и за наше племя, безъ печали, и благословляюшъ насъ, и не надобе имъ дань, и томга (112), и поплужное, нямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ. И какъ первые Цари ихъ пожаловали и мы, Богу моляся, и ихъ грамошъ не изыначивая, потомужъ жалуемъ. Во всѣхъ пошлинахъ,

---

(105) шебъ Бога. С Л. (106) а Кхоча. Г. Г. Аккоча. С. Л. (107) Учагуйкаранчiи. С. Л. (108) писанъ. С. Л. (109) Менгу Темпрово. Г. Г. (110) полномочнымъ. С. Л. (111) Чингисъ. С. Л. (112) тамга Г. Г.

не надобѣ имъ ни которая Царева пошлина, ни Царицына, ни Князей, ни Рядцевъ, ни Дороги, ни Посла, ни которыхъ Пошлинниковъ, ни которые доходы; или что церковные земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, лѣтовища, да не замаютъ ихъ, а что будетъ взяли, и они отдадутъ безпосульно. А что церковныя люди: Масперы, Сокольницы, Пардусницы, или которыя слуги и рабошницы, и кто не будетъ ихъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни начто: ни на работу, ни на сторожу; или что въ законѣ ихъ иконы и книги, или иное что, почему Бога молятъ, того да не емлютъ, ни издерутъ, ни испортятъ. Да не клеснутъ насъ, но въ покои молятся за насъ. А кто вѣру ихъ похулитъ или ругается, тотъ ничемъ не извинится, и умретъ злою смертію. А Попове единъ хлѣбъ ядуще, и во единомъ мѣстѣ живуще, и у кого братъ или сынъ, и тѣ потомужъ пожалованы будутъ; аще ли отъ ихъ отдѣлился, изъ дому вышли, и тѣмъ пошлины и дани давать. А Попове отъ насъ пожалованы по первымъ грамотамъ, Бога молятъ стоящс, и насъ благословляюще; аще ли кто имать (113) неправымъ сердцемъ за насъ молити Бога, но тотъ грѣхъ на немъ будетъ, или иныя люди имать (114) къ себѣ приимати, хотя Богови молящися. И въ томъ, и такъ что будетъ, молвя, сему Митрополиту грамоту сію дали есмя. И сію грамоту видяще и

---

(113) Иметъ. Г. Г. (114) имещъ. Г. Г.

слышаще Попове и Черицы, ни дани, ни иного чего не даютъ; а кто возметъ, Баскаци наши и Княжіе Писцы, и Поплужницы, и Таможницы, и они по велицѣй язъ не извинятся (115), и смертію да умретъ. Тако молвя, Ярлыкъ далъ (116). Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, въ 4 день Вепха. На Телы (117) писаны.

ШЕСТЫЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ далъ Бердебекъ Царь Алексѣю Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи Чудотворцу.

Безсмертнаго Бога силою и величествомъ, изъ дѣдъ и прадѣдъ, Бердебеково слово. Татарскимъ улуснымъ и рашнымъ Княземъ, Муалбегиною (118) мыслію, волостнымъ самымъ Дорогамъ и Княземъ, и Писцомъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Бураложникомъ, и Заставщикомъ, и Лодейщикомъ, и Заказникомъ, и всѣмъ Пошлинникомъ, или кто на каково дѣло ни поѣдетъ, и всѣмъ многимъ людемъ. Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися, молебники, и весь чинъ поповскій. Такъ молвя, написали семя: какова дань ни будетъ, или пошлина, ино иого нѣмъ ни видити, ни слышати не надобѣ, чтобы во упокои Бога молили, и молитву воз-

(115) не извинется. Г. Г. (116) данъ. Г. Г. (117) На Тали. С. Л. (118) Муалбугиною. Г. Г. Муальбугиною. С. Л.

давали, такъ молвя, Ярлыки подавали. И то увѣдавши, всѣ, иже по нихъ, иные Цари Ярлыки свои давали. И мы нынѣ, первыхъ Ярлыковъ не изыначивая, и думавъ (119), потомужъ есмя Алексѣя Митрополита пожаловали. Какъ сядетъ на своемъ столѣ (120), и молитву воздастъ къ Богу за насъ и за наше племя, такъ есмя молвили. Какова дань ни буди, или пошлина, и того тѣмъ ни видати, ни слышати не надобѣ. Да не емлютъ у нихъ, ни подводъ, ни корму, ни питья, ни запросовъ, ни почестии не даютъ. Или что церковныя земли и воды, домы, огороды, виноградъ, мельницы, того у нихъ никто ничего не замаютъ, ни насилуютъ надъ ними; а кто будетъ что взялъ, и онъ отдастъ безпосульно. А въ церковныхъ домѣхъ никтоже не ставится, ни рушити ихъ; а кто ся въ нихъ имѣетъ ставити, или рушити ихъ учнетъ, и тотъ во грѣсѣхъ да будетъ, и умретъ злою смертію. И ты, Алексѣй Митрополитъ и весь вашъ поповскій чинъ возмолвите, что есте пожалованы. И церковнымъ домомъ, и землямъ, и водамъ, огорадамъ и виноградомъ, или что надъ церковными людьми учините черезъ пошлину, но то на васъ; или кто разбоемъ и пашьбою и ложью лихое дѣло учинитъ каково, а не имешь того смотрити, и ты самъ вѣдаешь, что будетъ тебѣ отъ Бога. А о насъ Богу молися, занеже ты

(119) *у*думавъ. Г. Г (120) *вмѣсто* сядетъ ... столѣ — какъ въ Володимірѣ сѣдъ. С. Л.

преже, а мы о томъ не молвимъ ничего, такъ рекше и Ярлыкъ (121) съ алою памгою дали есмя на утвержденіе вамъ. Тегигуя (122) лѣта, десятаго мѣсяца, въ 10 Нова; А льгопа (123) мѣсяца въ семьсотъ осьмое (124). Орда кочевала на Каонгѣ. Написано. У васъ Бога (125), Усянинъ (126), Сараи, Ягашляи (127), Куплубуга — (128) и тѣ головные Князи жалобу клали. Сеунчъ, Темирѣ (129), Мюрбакшеи (130) писали (131).

СЕДМЫЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ дала томужъ Алексѣю Митрополиту Кіевскому и всея Руси чудотворцу Тайдула Царица Зенебекова, коли ему лучится ити къ Царю граду.

По Зенебскову (132) Ярлыку, Тайдулино слово. Къ Темнымъ и къ Тысячнымъ Княземъ, и Сотникомъ, и Десятникомъ, и Волостелемъ (133) и Городнымъ дорогамъ, и Княземъ, и мимохожимъ Посломъ, и ко многимъ людемъ, и всемъ Приказникомъ. Сей Алексѣй Митрополитъ, коли пойдетъ ко Царю граду, и здѣ (134) кто ни будетъ, чтобъ его не

---

(121) Вайдуса ерлыкъ. С. Л. (122) Тегигуя. С. Л. (123) Алгаша Г. Г. Сѣлгата. С. Л. (124) въ семсошное лѣто. С. Л. (125) Увалъ Бога. Г. Г. Валбога. С. Л. (126) Уранинъ. С. Л. (127) Елгопа. С. Л. (128) Куплубога. С. Л. (129 Темиръ. С. Л. (130) Мурбакшіи. С. Л. (131) писалъ. С. (132) Чепебекову. С. Л. (133) волосѣпымъ. С. Л. (134) гдѣ. С. Л.

замали, ни силыбъ надъ нимъ не учинили ни какіе; или гдѣ ему лучится постояти, чтобъ его никто не двигнулъ, ни коней его не имали, занеже за Зенебека (135) Царя, и за дѣтей его, и за насъ молитву творитъ, такъ есмя молвили. А кто паки силу учинитъ, и онъ на великой пошлинѣ перемолвитъ самъ (136), такъ молвя, нишенную (137) грамоту дали есмя. Ентя (138) году, Арама мѣсяца, во 2 Ветха. Орда кочевала на Гули станѣ (139). Написано. Семиръ (140) Ходча жалобу положилъ.

Суть же и иніи велицы Ярлыцы предани быша церкви Божіей, Пречистой Богоматерѣ, отъ безбожныхъ онѣхъ Царей крѣпости для утвержденія святѣйшимъ Митрополитомъ Русскимъ и всему причту церковному. Не реку Осанна Батыя, иже бѣ поплѣнилъ всю Русскую землю, паипаче рещи всѣхъ Царей, иже по немъ царствовавшихъ. Но охъ, увы! слезы мя обдержатъ, понеже убо милость получи святая соборная апостольская церкви даже и донынѣ отъ невѣрныхъ и поганыхъ Агарянскихъ дѣтей!

Вы православніи и Христолюбивіи Царіе, и Князи, и Бояре, потщитеся ко святымъ Божіимъ церквамъ всяко благотвореніе показати, вѣру праву и любовь нелицемѣрну, и милость и милостыню и прочая вся добродѣтели исправляти, да не по-

(135) Ченебека. С. Л. (136) не перемолвится. С. Л. (137) митеную. Г. Г. (138) Сита. С. Л. (139) Гулистанѣ. Г. Г. Гулистани. С. Л. (140) Темиръ. С. Л.

срамлени будете отъ онѣхъ варваръ въ день судный, яко же рече Господь во Евангеліи: Царица Южная воспанетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудитъ ихъ проповѣдію Іониною, занеже не покаяшася. Елико же обрѣтохомъ во свяшѣйшей Митрополіи старыхъ Царей Ярлыки, сихъ и написахомъ. Мнози же сушь отъ первыхъ и давныхъ, иные велицы Ярлыцы сушь, но иныхъ не возмогохомъ превести, зане неудобь познаваемою рѣчью писаны бышa, ниже паки ихъ именовахомъ. Здѣ довольно бысть и се разумнымъ къ наказанію, еже отъ Сарацинъ шребованіе милости отъ Бога, и къ церкви Божіей милостыня и молитвы, неже правда Христіанская неразумѣющихъ по истинѣ Бога; но ослѣпленныхъ суетою міра сего еже преобидѣши святыя церкви, и домы ихъ, и сами отъ Бога преобидимы будутъ въ вѣки безконечныя. Аминь.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Ярлыками назывались въ Монгольскихъ государствахъ не одне жалованныя или инвеституртныя грамоты, а всякаго рода и содержанія бумаги, исходившія отъ верховной власти.

II.

Золото-ордынскіе ханы не были ревностными мусульманами, и покровительствовали нашему духовенству не изъ политическихъ выгодъ, а вслѣдствіе религіозной терпимости, предписанной законами Чинкгиса.

III.

Формою своею ярлыки наши совершенно сходны съ такаго же рода актами, извѣстными въ подлинникахъ.

IV.

Ханскія жены пользовались въ Монгольскихъ государствахъ большими правами и уваженіемъ.

V.

Всѣ Золото-ордынскіе ханы давали, или, по обычаю, должны были давать льготные ярлыки нашему духовенству.

VI.

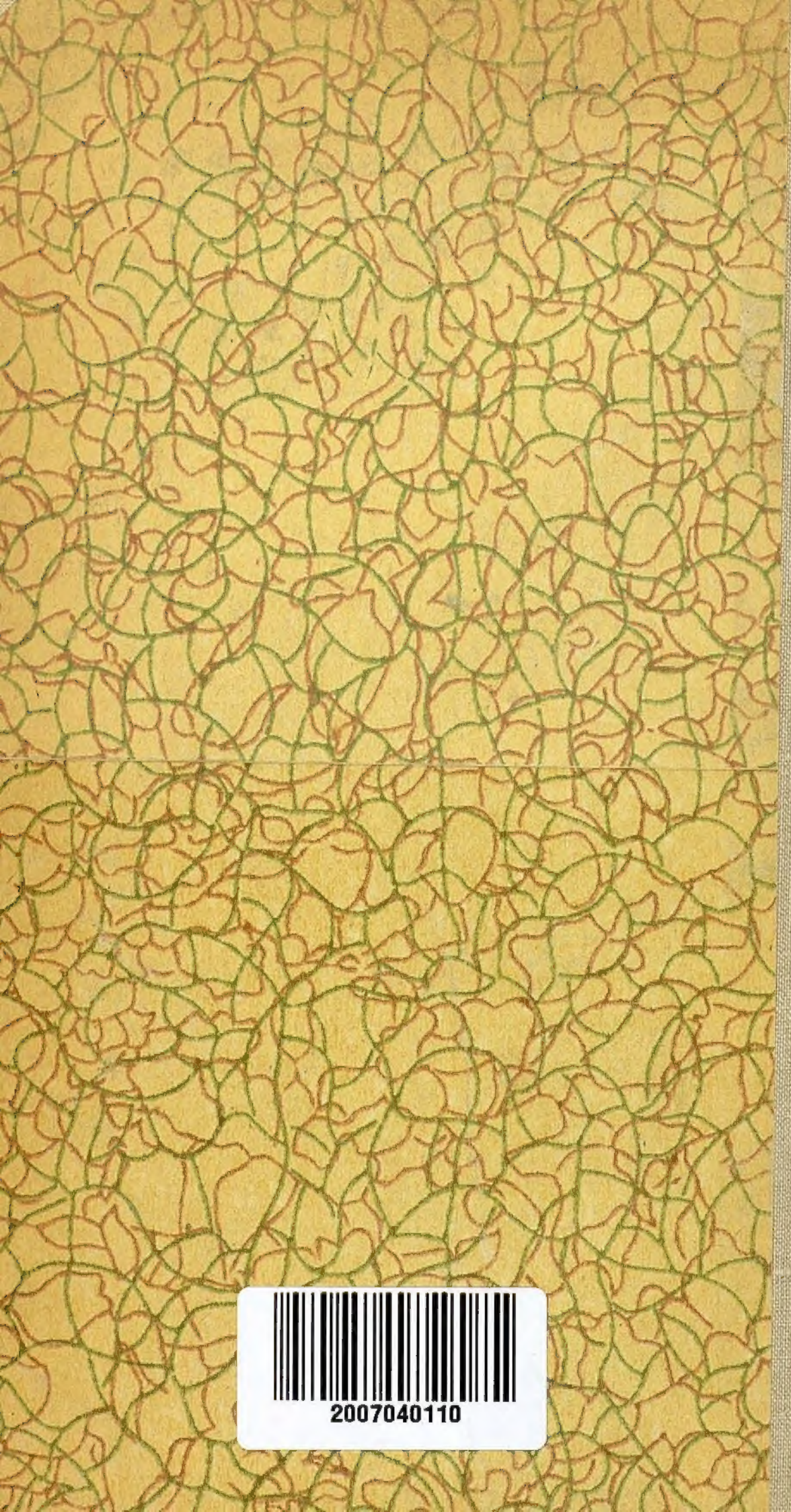
Анахронизмы въ датахъ нѣкоторыхъ ярлыковъ нашихъ ни сколько не доказываютъ поддѣльности этихъ актовъ.

VII.

Мы имѣемъ ярлыки не въ подлинникахъ, а въ переводахъ.

VIII.

Переводы эти, современные или позднѣйшіе, должны быть вѣрны съ подлинниками.


2007040110